

Туман над темной водой

Автор:

Людмила Мартова

Туман над темной водой

Людмила Мартова

Желание женщины

Ирина привыкла всегда и за все отвечать сама. Тем беспомощнее она чувствовала себя, оказавшись вдвоем с маленьким сынишкой в глухой деревне – именно там ей пришлось прятаться от бандитов, которым задолжал бывший муж. Деревня почти вымерла, но рядом в лесу расположился поисковый отряд во главе с Александром Веретьевым. Пути Ирины и Александра могли бы никогда не пересечься, если бы не пугающие происшествия – поблизости бродят сбежавшие из колонии заключенные, поисковики обнаружили в болоте неопознанные тела, и, похоже, трясина скрывает еще немало опасных тайн...

Людмила Мартова

Туман над темной водой

Если рассудок и жизнь дороги вам,

держитесь подальше от торфяных болот.

А. Конан-Дойл. Записки о Шерлоке Холмсе. Собака Баскервилей.

Глава 1

Сухая земля отчаянно просила влаги. Грядки напоминали запекшиеся от нестерпимой жажды, потрескавшиеся до крови губы. Смотрящей в окно Ирине казалось, что у нее в огороде лежит обессиленный великан, чуть слышно просящий: «Пить, пить».

Поливать в такую жару было нельзя, это Ирина помнила с детства. Подцепить длинный шланг к насосу в колодце и напоить землю можно будет только ближе к вечеру, когда солнце не будет висеть в зените, словно парящий в небе коршун, высматривающий добычу.

На такой жаре капли воды, попадая на листья, срабатывали словно увеличительные стекла, выжигая все живое. Рисковать урожаем Ирина не могла, кто его знает, как дальше сложится. Вполне возможно, что от урожая будет зависеть жизнь. Ее и Ванечки. Поэтому, как бы умоляюще ни стонала сейчас земля, за полив она возьмется после шести часов вечера, не раньше.

Тридцатидвухградусная жара была для начала июня делом в их широтах немислимым. Плюс пятнадцать с принимающимся то и дело моросить дождем казались привычными. Даже снег, регулярно выпадающий на цветущую клубнику, после чего приходилось гадать, выживет она или нет, удастся хоть немного полакомиться сладкими красными ягодами или только и останется, что обрезать почерневшие от мороза листья, удивлял меньше, чем в прямом смысле слова свалившееся в этом году на голову лето.

Лету Ирина была рада, потому что, во-первых, любила его, а во-вторых, выживать в деревенской глуши под дождем и без солнца было бы еще тяжелее. И грустнее тоже.

В детстве лето означало каникулы, возможность не ходить в школу, не делать уроки, уехать к бабушке в деревню, просыпаться на заре оттого, что на дворе тугая струя молока ударяла в ведро, блаженно закрывать глаза, понимая, что сейчас всего лишь пять часов утра, бабушка уже встала и доит корову, а потом затеется месить тесто на пироги.

Лето пахло сладким сеном, из которого маленькая Ира любила вытаскивать то васильки, то клевер, липким клубничным соком, стекающим по подбородку, смородиновыми листиками, которые вечером, после бани, обязательно заваривались в чай, березовыми вениками, которые ходили заготавливать в жестко оговоренные сроки и которые потом висели в сенах, внося свой личный вклад в аромат лета.

Став старше, в деревню Ира ездить перестала. Сначала потому, что в ее жизни появились сессии, летние практики, стройотряды и море. То самое море, о котором она мечтала чуть ли не с пеленок и которое впервые увидела, когда ей исполнилось восемнадцать. Тоже в стройотряде, в котором они собирали черешню.

Потом институт остался позади, вместе с ним закончилась и беззаботность, а начались трудовые будни, в которые на лето отводилось ровно двадцать восемь дней отпуска. Их она тоже проводила на море, поменяв летний душ во дворе крымского домика, где они с подружками снимали комнату, на систему «все включено» в какой-нибудь Турции или Египте.

В деревню не хотелось и не тянуло, потому что от той деревни с запахом дыма над печными трубами, ароматом свежего хлеба и пирогов, парного молока и стогов наметанного сена уже ничего не осталось. Старики умирали, молодежь уезжала, фермы закрывались. Работы не было, а вместе с ней на глазах пропадал и человеческий облик оставшихся жителей.

На окрестные шесть деревень не было теперь ни одной коровы, хотя Ира еще помнила картинку из своего детства, в которой деревенский пастух Колька вел два раза в день по деревенской улице стадо из пятнадцати-двадцати буренок. Теперь на всю округу можно было найти три козы да пару свиней. И с десяток кур, пожалуй.

А потом умерла бабушка.

Свой дом, основательный деревенский пятистенок, с двумя добротными печами, крепким двором, на котором до сих пор хранились запасы сена, и огород в двенадцать соток при нем бабушка завещала сыну, Ириному отцу. Тот на родину ехать не спешил, даже документы по доверенности за него оформила Ирина.

Она в дом, где провела значительную часть детства, тоже не торопилась. Незачем ей это было, да теперь и не к кому. Осиротевший дом стоял пустой, тщательно заколоченный от недоброго взгляда. Впрочем, все ценное из него было украдено в первую же зиму после смерти бабушки.

От детских летних впечатлений остались только воспоминания, хотя любить лето Ирина так и не перестала. Теперь она ждала его с тоской и нежностью, как уехавшего далеко-далеко любимого. Раз в год она встречала его после долгой разлуки со счастливой, немного глупой улыбкой на лице, как у щенка, со всех лап кидающегося на возвратившегося домой хозяина.

С первым летним теплом Ирина, как тот щенок, повизгивала, отчаянно виляя хвостом, привставала на задние лапы, приносила то одну игрушку, то другую, пытаясь подать тапочки, а потом утыкалась в колени мокрым носом и затихала, чувствуя, как быстро-быстро колотится сердце.

Она всматривалась в лето, лежащее рядом, только руку протяни, и можно потрогать, пропустить сквозь пальцы щекочущую мягкость травы, вдохнуть ни с чем не сравнимый запах. Солнца, листвы, счастья.

Она, городской житель, в повседневной круговерти начинала скучать по лету уже в середине июля, понимая, что оно вот-вот закроет за собой дверь, только подмигнет на прощанье. И уедет в далекие края. Туда, где оно живет, вырываясь к ней совсем ненадолго. Это не был краткосрочный курортный роман, нет. Не торопливые свидания украдкой, которые по-прежнему бывали у нее с морем: жаркие, страстные, безумные, когда оба знают, что это не навсегда.

С летом у нее был стабильный надежный брак, в котором супруги живут не на два города и даже не на две страны. На два огромных мира, в которых каждый год случаются короткие встречи и долгие проводы.

Впрочем, в последнее время слово «брак» уже не ассоциировалось у нее ни со стабильностью, ни с надежностью. И именно из-за своего брака, который не был ни стабильным, ни надежным, она и встречала это лето в доставшемся ей по наследству доме ее бабушки, забытом богом в глухой, практически умершей деревушке, спрятавшейся между перелесками и отделенной от автомобильной трассы двумя речушками и двенадцатью километрами разбитой, практически непроезжей грунтовой дороги.

Последнее обстоятельство – полная отрезанность от «большой земли» – и стало определяющим фактором того, что Ирина Поливанова, тридцати двух лет от рождения, разведенка с двухлетним ребенком на руках, уже второй месяц жила в деревеньке под названием Заднее, где сохранился всего один жилой дом. С учетом ее вынужденного жилища – два.

В первом доме жил переселенец с Севера Полиект Кириллович со своей женой Светланой Георгиевной. Воспоминания о них у Ирины были смутными. В ее детстве в крайнем к лесу доме жила бабушка Маиса. Ее младшая дочь вышла замуж на Украину и приезжала к матери редко. Зато гостинцы привозила всегда знатные: кровяную колбасу, сало, пускающее острую слезу, когда его доставали из погреба, огромные, сахарно-сладкие розовые помидоры, пахнущее семечками домашнее подсолнечное масло и огромный «Киевский торт». Баба Маиса жадной не была и всегда приглашала соседей отведать гостинцев.

Старший же сын Маисы работал где-то на Севере, то ли в Сургуте, то ли вообще за полярным кругом, и на родину не навещался, так что Ира его вообще не запомнила. Это уж только сейчас, когда она сбегала в деревню, как крыса в нору, прихватив самое дорогое, что у нее было, – детеныша, она с изумлением обнаружила на месте старой Маисиной избушки добротный двухэтажный дом под красной крышей, резного петушка, украшавшего флюгер, три основательные теплицы, просторную баню с пристроенной к ней беседкой и огромный вольер для собак. А вместе со всем этим великолепием Полиекта Кирилловича и Светлану Георгиевну. Тогда же и выяснилось, что он – сын Маисы.

Признаться, без соседей она бы пропала в первый же день. В последние дни апреля дом казался стылым, и Ирина почти три часа топила его дровами, к счастью уцелевшими в поленнице во дворе. Все это время Ванечка был у Светланы Георгиевны, которая сварила ему манную кашу, затем накормила куриным супом из русской печки, а потом уложила спать на большой, очень мягкой кровати с белыми накрахмаленными простынями.

Ванечка вообще провел у соседей почти целый день, пока Ирина отмыла до скрипа старые половицы дощатого пола, оттерла от пыли столы, разобрала взятые с собой огромные сумки на колесиках: с вещами, с картошкой, с консервами, с крупами для Вани. В те годы, когда Ира навещалась в деревню, здесь был маленький магазин, в котором продавали самый необходимый набор продуктов. Она надеялась на то, что уж хлеб, масло, макароны сможет купить всегда, а молоком и курятиной рассчитывала закупаться у соседей. Вот только

не учла, что соседей не было. Не только в Заднем, но и на всю округу.

– Ну, вот мы тут, в Заднем, почитай, одни зимуем, – степенно рассказывал ей Полиект Кириллович, помогая спустить насос в колодец, отодрать деревянные ставни, закрывающие окна, и подключить электричество. – В Среднем на зиму вообще никто не остается. К началу июня Кольцовы приедут из Мурманска, да и все. В Заполье летом только три семьи обитают, да и то не три месяца, а меньше. В Семакино в двух домах зимуют, в Георгиевском с этого года ни в одном. Какой тебе магазин?! Летом раз в неделю автолавка приезжает, когда дачники подтягиваются. А зимой нет, нерентабельно.

– Как же вы тут живете? – с ужасом спросила Ирина, чувствуя, что вот-вот расплечется. Собираясь в деревенскую глушь, она как-то не учла местных реалий и теперь совершенно не понимала, как ей выживать здесь, а главное – кормить Ванечку. – Получается, что ближайший магазин где? В Соловьево?

Соловьево – небольшой поселок с ФАПом, почтой, магазином, школой и поселковой администрацией – располагалось в двенадцати километрах от деревни Заднее, и ходить туда хотя бы два раза в неделю казалось пугающей перспективой, еще и потому, что оставить на это время сына Ирине было совершенно не с кем. Господи, и как же она так вляпалась-то.

– В Соловьево, – кивнул Полиект Кириллович, видимо читая по ее лицу как по открытой книге. – Но ты не тушуйся, девонька. Я через день туда езжу. Зимой на снегоходе, летом – на мотоцикле с коляской. Так что пиши мне на бумажке, что тебе купить требуется, я и привезу.

Сделанное искреннее предложение решало неожиданную проблему, пусть и не полностью. И Ирина согласилась, горячо поблагодарив соседа.

Тот благодушно рассмеялся:

– Да брось ты, мне ж нетрудно. – И тут же спросил, полоснув неожиданно острым, пронзительным взглядом: – А ты к нам надолго?

Что ж поделывать, если ответа на этот вопрос Ира и сама не знала.

– На лето точно, – сказала она, стараясь не выдать обуревавшего ее уныния. И еще страха. – А там видно будет.

– Трудно в деревне без мужика, – любопытный сосед не собирался отступить, не замечая, что терзает Ирину, – и дров принести, и печь протопить, и воды накачать, и огород разбить. Не выживешь ведь без огорода. Ты хоть это умеешь?

– Умею, – кивнула Ирина. – Хотя много лет и не делала. Моя бабушка была женщиной суровой. Я у нее тут летом без дела не прохлаждалась. Как вы думаете, найду я кого, кто мне землю вспашет? А уж посадить, прополоть, полить я умею. Тут не сомневайтесь.

Огород ей вспахал сосед. И навозом поделился он же. И рассаду в починенный парник дала Светлана Георгиевна. И яйца из-под домашних кур (да, Полиект и Светлана Куликовы держали кур, а еще поросят и двух уток). И блинчики на завтрак. И домашний хлеб. И пироги по средам и субботам, так же как это делала бабушка. В течение полутора месяцев Ирина каждый день по несколько раз благодарила провидение, что Куликовы вернулись со своего Севера в родную деревню, да еще так основательно здесь обустроились. Пропала бы она без них. Как есть пропала.

А так жизнь постепенно налаживалась, входя в привычную колею. Утром, пока Ванечка еще спал, Ира топила печь, ставила в нее чугунок с деревенским супом и второй – с картошкой. На газу варила кашу для Ванечки, себе отрезала бутерброд с сыром или колбасой, которые Полиект Кириллович регулярно поставлял из магазина в Соловьеве. Затем она поднимала и кормила сына, усаживала его в теньке огорода на травку, а сама полола грядки и подвязывала помидорные кусты в теплице.

После обеда, уложив Ванечку спать, она бежала на речку – постирать и прополоскать белье, дома мыла посуду и готовила нехитрый ужин – гречку с тушенкой, макароны с сыром, сырники из покупного творога. Когда Ванечка просыпался, они шли гулять, иногда предупреждая соседей, что хотят зайти в гости.

Без предупреждения появляться у Куликовых было небезопасно. Соседи держали двух огромных сторожевых псов, готовых порвать любого чужака, заходящего на их территорию. Когда Ира звонила, Полиект Кириллович загонял

их в специально построенный загон. В остальное время псы просто бегали по участку, оглушительно лая, когда кто-то чужой проходил мимо. Бывало это крайне редко, потому что чужих в их деревеньке не водилось, но появиться у соседей без предупреждения Ира ни за что бы не рискнула.

Вечерами она поливала огород, а потом читала Ванечке книжку, сидя на крыльце, предварительно установив рядом пружинку от комаров. Вечером же, уложив сына спать, она иногда снова возвращалась на крыльцо, чтобы бездумно посидеть, глядя в летнее, почти не темнеющее небо. Красным угольком тлела антикомариная пружинка, пуская тонкую струйку пахучего дыма.

Где-то на краю деревни, за почерневшими, где-то сгоревшими, а где-то просто обвалившимися остовами соседских домов, закатывалось в незасеянное поле солнце. Густая тишина закладывала уши, словно вата. Ее можно было резать ножом, как жележный торт. Только комариный звон рассеивал ее, да иногда лениво брехали соседские собаки. Не зло. Не опасно.

Дома Ирины и Куликовых стояли на другом конце деревни, противоположном тому, где укладывалось спать солнце. За пролеском, в который в детстве они бегали по землянику, начиналось болото, вначале щедрое на чернику летом и бруснику с клюквой осенью, а затем непролазное, топкое. На болото детям ходить одним запрещалось. Бабушка на болото не ходила никогда, предпочитая покупать ягоды у соседей. Если же год выдавался урожайным, то те, бывало, и бесплатно делились болотными дарами. К примеру, дядя Дима Головин, отец Ирениного дружбана Паши, вечно оставлял на крыльце полные корзины. В Ирины обязанности входило потом с благодарностями вернуть их пустыми обратно.

На болото она попала всего один раз, увязавшись за тетей Леной, дяди-Диминой женой и Пашкиной матерью. До сих пор Ирина помнила чвакающую воду под ногами и то ощущение, с которым резиновые сапожки затягивались в мокрый, жадный, словно вечно голодный мох. Тетя Лена, как и все местные, знала тропки, передвигаться по которым было безопасно, но один неверный шаг в сторону – и вот ты уже провалился по пояс в мутную, отчаянно пахнущую торфом воду.

Бабушка отругала Иру тогда отчаянно, напомнив про то, как на болоте сгинул соседский мальчишка Васька Прохоров. Пугалки «про Ваську» были самыми страшными в ее детстве, и на болото она одна не пошла бы ни за что, и не

потому, что была такой уж послушной, а потому, что боялась утонуть в зловонной трясине. О том, как именно трясина поглощает своих жертв, а также какие звуки издают болотные газы, поднимаясь из глубин, она, естественно, знала из книг. Да хотя бы из «Собаки Баскервилей», которую в деревне летом обязательно перечитывала, трясясь от ужаса. И по чернику больше ходить не просилась, потому что нет-нет да и чудились ей призраки гигантской собаки.

Бабушка, похоже, ее страхи разделяла, потому что болота в их доме были под запретом даже в разговорах. А вот тетя Лена рассказывала, что в годы войны в здешних болотах шли отчаянные бои с немцами. Те как раз дошли до этих мест, которые и стали последним их рубежом, на котором полегли солдаты. Как те, так и другие.

Наиболее отчаянные Ирины детские друзья, например Павлик Головин или Юрка Мохов, невзирая на острастку взрослых, то и дело убегали на болота и, возвращаясь, приносили то потемневшую от времени и сырости солдатскую каску, то проржавевший нож, а однажды даже гранату, слава богу, без чеки и запала. За гранату Павлика и Юрку отцы нещадно выпороли, но страсти к военным трофеям это обстоятельство вовсе не остудило.

Ирин дом стоял на четной стороне улицы, и между ним и пролеском было всего лишь два дома. Тоже разрушенные и пустующие. Дом Полиекта Кирилловича и Светланы Георгиевны стоял на другой стороне улицы и чуть наискосок. Между ним и лесочком уже не было ничего, лишь высокий, добротный забор из профнастила, такой основательный, каких никогда не видела их деревня.

Все заборы здесь испокон веков делали из простого штакетника, и у Иры был такой же. Сосед только на прошлой неделе поправил покосившиеся участки, заменил сгнившие столбы и приладил к ним новые перекладины. И все равно забор, как и сам дом, не шел ни в какое сравнение с обиталищем, которое отгрохали себе Куликовы. И спутниковая тарелка у них была, так что иногда Ванечке удавалось посмотреть мультики. И спутниковый телефон тоже был, хотя в их местах обычная сотовая связь работала без перебоев, и даже с Интернетом проблем не возникало никаких.

– Мы без Интернету никуда, – рассказывала Ирине Светлана Георгиевна. – А как же. Я и рецепты разные ищу. И советы, как за рассадой ухаживать. И семена заказываю, и корма разные. Их в Соловьево доставляют, а Пол ездит, забирает.

Мужа она звала на американский манер, и это отчего-то смешило Иру ужасно. Она как-то попробовала придумать другое, более привычное уху сокращение от имени Полиект и не смогла. Полик? Полуша? Поля? Нет, Пол, пожалуй, звучит лучше.

– Светлана Георгиевна, а как же вы вообще решились в такой глуши поселиться? – спросила Ира недели через две после первого знакомства с Куликовыми.

Женщина засмеялась.

– Так ведь география к счастью отношения не имеет. Мы как на пенсию вышли, так и уехали. Поближе к теплу и солнцу. Дети у нас выросли, разлетелись да разъехались. Старость нам вдвоем встречать. Так какая разница где. Пола все на родину тянуло, а мне лишь бы с ним, а где – неважно. Вот только в городе мы оба жить не хотели. Надоели нам дома панельные, стены промерзлые, кухня четыре метра. Зарабатывали-то мы на Севере хорошо. Вот и накопили, чтобы такой дом построить.

– В такой глуши...

– А что глушь? – Светлана Георгиевна, казалось, удивилась. – Дом надежный и теплый. Свет есть. Вода из скважины, насос, знай, качает. Котел поставили, душевую кабину тоже, мойся – не хочу. Телевизор показывает, Интернет есть, связь есть. С детьми вон по «Скайпу» каждый вечер разговариваем, внуков видим. В Соловьево съездить не проблема – транспорт есть. Собакам тут раздолье, нам покой. Нет, хорошо нам тут. Сама-то как здесь очутилась? Ладно мы, старики, нам, пока все дела по дому переделаешь, уж спать пора. А ты женщина молодая. Тебе здесь скучно должно быть. Да еще одной с ребенком.

Ира почувствовала, как привычно сжимается сердце. Рассказать или не рассказывать? С одной стороны, в ее же интересах, чтобы как можно меньше людей знали, какая именно опасность погнала ее в деревенскую глушь. С другой – Куликовы точно не имели никакого отношения к ее неприятностям, а поделиться хотелось. Вроде и стыдно, а с другой стороны, может, хоть они объяснят ей, в чем она виновата? Что именно сделала не так?

И Ирина скрепя сердце рассказала.

* * *

Всю свою сознательную жизнь Ира Поливанова была, что называется, пацанкой – с практически всегда разбитыми коленками, замазанными зеленой царापинами, оставленными кустами, сквозь которые она бесстрашно продиралась вместе с соседскими мальчишками, синяками, отливавшими положенными цветами спектра – от фиолетовых до иссиня-желтых. Юбкам она предпочитала брюки и шорты, в платьях маялась, зимой под них задувало, летом их вздымало ветром. На каблуках она подворачивала ноги, поэтому носила кроссовки и балетки, косметикой не пользовалась.

Где-то к концу института она вдруг осознала, что все ее друзья, стрелявшие у нее деньги до стипендии, зовущие с собой в походы и не стесняющиеся рассказывать похабные анекдоты, попутно встречаются с другими девушками, приглашают тех на свидание, дарят цветы. Подружки (а они у Иры, конечно же, тоже были) одна за другой стремительно выскакивали замуж.

Осознание этого факта Иру не оскорбило и не расстроило, пожалуй, только удивило безмерно. О том, что рано или поздно надо создавать семью, она даже не думала, потому что по натуре была скорее одиночкой, хотя и слыла человеком добрым, открытым, компанейским. «Свой парень» – вот как это называлось.

Замужние подруги рожали детей и замыкались на своей семье. Женатые друзья резко прекращали общение, потому что их женам не нравилась их душевная близость с какой-то там Ирой. Ладно бы она еще была непривлекательная, так нет же, и фигурка у нее была ладная, и личико симпатичное, с огромными серыми глазами под коротко стриженным ежиком волос. Стрижка «под мальчика» совсем Ирину не портила, наоборот, подчеркивала тонкость черт.

Замуж Ира не хотела, наверное, еще и потому, что в ее семье было не принято делать на этом акцент. Как-то так уж сложилось, что родители всегда были больше замкнуты друг на друге. Да еще на своей научной карьере. Они были ученые-микробиологи, много ездили по миру, работая в экзотических странах, от Анголы до Китая и Афганистана. Ира росла с бабушками. Летом – с одной, зимой – с другой, и немало от этого не страдала.

Когда она выросла, а бабушек не стало, ничего не изменилось. Родители получили контракт в одной из немецких лабораторий, имели теперь маленький домик с садом в одном из городков неподалеку от Мюнхена, к внукам не стремились и в жизнь повзрослевшей дочери не лезли.

В свой первый «взрослый» роман Ирина кинулась как в омут с головой, когда ей исполнилось двадцать три года. Ее возлюбленный благодаря немалому опыту сумел разглядеть в ней чудесную женщину, прятавшуюся под внешностью взъерошенного мальчишки, а Ира влюбилась, так горячо и истово, как бывает только в первый раз.

Ее любимый был женат, и это обстоятельство немного царапалось откуда-то изнутри. У него была чудесная жена и двое детей. По выходным, которые он проводил с семьей, Ира иногда встречала их то в парке, то на набережной. Нет, она никогда не опускалась до слезки, просто их город был маленьким, не хочешь, да встретишься. При таких встречах самый главный человек ее жизни всегда делал безразличное лицо, как будто она была случайным человеком, и это его безразличие и ее собственная случайность ранили гораздо сильнее, чем Ира была готова признаться даже самой себе.

Любовь горела в ней мощным ровным огнем, а продуктами горения были не ревность, не зависть, не желание разбить чужую семью, а стремление не создавать конфликтов, не быть в тягость, сохранить то свое главное качество, который возлюбленный называл «комфортная женщина». Она всегда оказывалась свободна, когда была ему нужна, и никогда не роптала, когда он вдруг оказывался занят. За пять лет их романа она ни разу не предъявила претензий и даже не задумывалась о том, как, оказывается, устала.

С Дмитрием, или, как все его называли, Димочкой, Ирина познакомилась на работе. Ира тогда как раз перешла в новую фирму, в которую ее переманили как отличного специалиста по государственным закупкам. Фирма специализировалась на поставке медицинского оборудования и расходных материалов, и ответственность, въедливость, юридическая грамотность и дотошность быстро сделали Ирину Поливанову одним из самых ценных сотрудников, да и зарабатывала она хорошо, по меркам их города даже очень.

Жила она в трехкомнатной родительской квартире в самом центре, купила себе машину, которой страшно гордилась, отпуск делила на две части, одну проводя у родителей, в их причесанном, умытом немецком городке, где у соседей было

принято раскланиваться при встречах, а вторую – на столь любимом ею море.

Димочку она заметила не сразу, а только тогда, когда оказываемые им знаки внимания стали совсем уж недвусмысленными. А когда заметила, то сначала удивилась, потом немножко подумала, а потом взяла и вышла за него замуж, тем самым в одночасье закончив свой давний, привычный, теперь уже почти отгоревший роман.

С многолетней своей любовью расстались она с легкой тоской и сильным облегчением, и Ирина стала обживать непривычный для нее статус замужней дамы. На тот момент ей исполнилось 29 лет. Забеременела она довольно быстро, чему неожиданно для себя сильно обрадовалась. До того момента, как она вышла из женской консультации, Ирина даже не подозревала, как сильно, оказывается, хочет ребенка. Она почему-то сразу поняла, что у нее будет мальчик, и сразу решила, что назовет его Иваном. Ванечкой.

Иллюзии относительно Димочки у нее рассеялись тоже довольно быстро. Сразу после женитьбы с работы муж уволился. Целыми днями лежал на диване, ничего не делая, лишь бездумно щелкая телевизионным пультом. Вставал он лишь для того, чтобы достать из холодильника приготовленную Ириной еду, не утруждая себя даже тем, чтобы переложить ее из пластикового контейнера в тарелку. Пустые контейнеры он складывал в раковину, и Ира мыла их по вечерам, возвращаясь с работы с полными сумками еды.

В магазины муж не ходил, по дому не помогал, денег не давал совсем. Зато пару раз в неделю по вечерам исчезал из дому и возвращался глубокой ночью, иногда находясь в лихорадочном возбуждении, а иногда в глубоком унынии. Беременной Ире все время хотелось спать, но в первое время она иногда вставала, чтобы встретить мужа, а потому видела либо его горящие глаза, приплясывающую от переполняющих его эмоций походку, либо мертвую темноту зрачков и уныло опущенные уголки губ.

Алкоголем от него не пахло, и Ира подозревала, что он балуется наркотиками, и даже однажды сгоряча потащила его на экспертизу, которую Димочка прошел покорно, хоть и не без удивления. Нет, никаких следов наркотиков в его крови обнаружено не было. Тогда Ира решила, что муж ей изменяет, но это открытие не вызвало в ее душе никакого отклика. В тот момент она точно поняла, что никогда не любила Димочку, а брак с ним случился от где-то спрятавшейся в глубине души безысходности. Теперь у нее был статус замужней женщины,

подтверждающий, что она «не хуже других», а еще ребенок, растущий в глубине ее живота. Ванечка.

Она понимала, что обеспечивать сыну нормальную жизнь ей придется самой. Рассчитывать на Димочку было глупо и недальновидно, поэтому Ира не отказывалась ни от одной сделки, ни одного контракта, взрывала пески в поисках новых клиентов, и к моменту родов (в никакой декрет она, разумеется, не уходила, оформив бумаги формально и продолжив работать) у Ванечки было готово все необходимое, а в банковской ячейке, арендованной по какому-то странному наитию, лежала сумма денег «на черный день». По скромным подсчетам, суммы должно было хватить примерно на год безбедной жизни.

Димочка к ребенку остался совершенно равнодушен, лишь болезненно морщился, когда тот начинал плакать. Впрочем, Ванечка рос мальчиком спокойным, по ночам спал, голос подавал редко и только по делу.

Ухаживая за малышом, Ирина успевала и за чистотой в доме следить, и у плиты стоять, и по магазинам ходить, и стирать, и читать, и высыпаться. Единственной поблажкой себе стали отросшие волосы, которые она собирала в хвост, чтобы не тратить время на парикмахерские. Сидя с ребенком, она продолжала немного работать. Зарботки, конечно, существенно упали, но они все равно втроем могли жить на ее зарплату, не трогая накопленный заранее капитал, про который, впрочем, Димочка не знал.

Он все чаще и чаще просил у Иры денег. Сначала она давала, потому что речь шла о тысяче, о трех. Потом он попросил десять, а потом признался, что накопил долг в пятьсот долларов. Эта сумма Ирину разозлила.

– Дим, а ты вообще хотя бы примерно понимаешь, сколько стоит та еда, которую ты ешь, та одежда, которую носишь? Ты знаешь, сколько у нас составляют коммунальные платежи, во сколько обходится пачка памперсов и детское питание? Мы с тобой женаты уже полтора года, и за все это время ты не дал мне ни рубля. Тебе кажется нормальным, что я зарабатываю на нашу семью одна? Заметь, я ни разу не поднимала этот вопрос, но обеспечивать еще и твои странные прихоти не намерена. Ты же из дома практически не выходишь. Откуда у тебя могли появиться долги?

Взгляд у Димочки стал затравленным.

– Я разбил машину своего друга, – сказал он наконец. – И, как человек чести, должен оплатить ремонт.

Ира в тот месяц как раз закрыла удачную сделку, поэтому тридцать тысяч у нее были. Деньги она мужу дала, честно предупредив, что делает это в первый и в последний раз. А на завтра, уложив сына спать, отправилась за Димочкой, чтобы выяснить наконец, куда он уходит по вечерам. Ревности в ней по-прежнему не было ни на грамм, но странное поведение мужа могло нести угрозу для Ванечки, а потому пускать ситуацию на самотек Ирина не собиралась. В версию разбитой машины она не верила, потому что за все то время, что они жили вместе, он ни разу даже не пытался сесть за руль ее автомобиля. Путь мужа неожиданно привел к казино.

Неприглядная правда выяснилась так быстро, что Ирина даже удивилась. Если бы не ее заиканность на ребенке, не вечное лавирование между домашними делами и необходимостью зарабатывания денег, не полное, чего уж скрывать, равнодушие к мужу, которого она ни минуты не любила, то тот факт, что Димочка – игрок, вскрылся бы гораздо раньше. Но, как любила говорить Ирина мама, «работаем с тем, что имеем».

Разговор с мужем был тяжелым. К примеру, выяснилось, что съезжать ему некуда. Свою однокомнатную квартиру он за время их семейной жизни успел продать и проиграть.

– Может, твою квартиру продадим и две однокомнатные купим? – с надеждой в голосе спросил Димочка. – По-честному. Одна вам, одна мне.

– Нет, – покачала головой Ирина. – И дело даже не в моральном аспекте того, что ты считаешь честным продать МОЮ квартиру, ухудшив положение ТВОЕГО ребенка, чтобы обеспечить СВОЕ удобство. И не в том, что вторую квартиру ты потеряешь так же быстро, как и первую. К счастью, дело в том, что я ничего продать не могу. Эта квартира мне не принадлежит. Она оформлена на моих родителей, которые, похоже, предвидели, что я могу вляпаться во что-то подобное. Я здесь просто прописана. Поэтому, будь добр, освободи жилплощадь, ладно?

На развод она подала на следующий же день, правда, развели их только через полгода. Операция по выселению Димочки заняла гораздо меньше времени. Ира

просто сняла ему однокомнатную квартиру, собрала и перевезла туда все мужнины вещи, после чего врезала в свою входную дверь новый замок. Какое-то время Димочка приходил клянчить деньги на жизнь, подкарауливая Иру с ребенком у подъезда, но после развода и официального отказа Ирины претендовать на алименты исчез.

Примерно с полгода Ира ничего о нем не слышала. Ванечке она наняла няню, а сама с головой погрузилась в работу. Оформленные сделки были одна удачнее другой. Заветная банковская ячейка, о которой не знала ни одна живая душа, пополнялась конвертиками с наличными. Часть денег Ира переводила в валюту, планируя чуть попозже, когда немного подрастет Ваня, съездить с ним в Германию, показать внука бабушке и дедушке. Часть она оставляла в рублях. На черный день. И этот день настал.

Ванечкино двухлетие они отметили дома. Мальчик был еще слишком мал, чтобы затевать бурное празднование в каком-нибудь детском центре. Посидели по-семейному, втроем: Ира, Ванечка и няня. За время неудачного брака, беременности, рабочих будней и развода Ирина как-то совсем подрастеряла своих друзей и подруг. В каждой избушке свои погрешности. Подруги тоже ссорились и мирились, разводились и по второму разу выходили замуж. Им было не до Ириных радостей и горестей.

Многих к тому же бесила ее самостоятельность и решительность. Ну надо же, раз – и вышла замуж, два – и развелась. И ребенка не побоялась без отца оставить, и на алименты не подавала, сама справляется. И выглядит хорошо, и на работе ценят, и няню может себе позволить, не стоит в бесконечной очереди в муниципальный детский сад, не считает копейки от одной мужниной зарплаты до другой. Буржуйка.

Объяснять, что она просто очень хороший работник, системный человек, умеющий держать слово и вытягивающий самые провальные заказы, Ирина считала неуместным. Пусть каждый думает как хочет. Она просто жила, как живется, ходила на работу, оформляла сделки, спешила вечерами домой, играла с сыном. Счастье наблюдать, как он растет, наполняло ее до края, по самую макушечку.

Это был только ее мальчик. Крепенький карапуз, уверенно топающий на толстеньких ножках в перетяжках по своим детским делам, сосредоточенно накладывающий песочек в ведерко или наблюдающий за плывущими по луже

листочками, увлеченно глядящий соседскую кошку, замороженно слушающий сказку. Книжки, оставшиеся в доме еще с ее детства, Ирина читала ему каждый вечер, практически с самого рождения и вне зависимости от того, как сильно она устала за день.

В один такой вечер, когда выкупанный Ванечка уже лежал в кровати и слушал какую-то из сказок Шарля Перро, раздался неожиданный звонок в дверь, как оказалось, разделивший устоявшуюся жизнь на до и после. За дверью оказались полицейские.

Проводив их в кухню, Ира попросила подождать, пока она уложит сына, и предложила чаю. Полиции она не боялась, потому что точно знала, что не делала ничего предосудительного.

- Да вроде некогда нам расслаживаться, - сказал один из полицейских.

- Если Ванечка расплачется, поговорить все равно не получится, - пожала плечами Ира. - Это быстро. Минут пять-семь.

- Укладывайте сына, - кивнул второй полицейский. - Мы хоть правда посидим немного. Полдня на ногах.

Уложив Ванечку, Ира вернулась на кухню. Почему-то визит незваных гостей ее по-прежнему совершенно не напрягал. Ира любила детективы, а потому в глубине души решила, что где-то неподалеку совершено какое-то преступление, к примеру ограбление, и ее сейчас будут опрашивать в качестве потенциального свидетеля. Но речь зашла о ее бывшем муже. О Димочке. Сегодня утром он был найден в своей квартире повешенным.

- Его убили? - дрогнувшим голосом спросила Ирина.

Слабый, никчемный Димочка все-таки был ее бывшим мужем, и совершенно равнодушной к факту его смерти Ира не осталась.

- А почему вы считаете, что его должны были убить? - Первый визитер, которого про себя Ира назвала «злой полицейский», буравил ее взглядом.

- Не должны, конечно, но могли. - Она устало пожала плечами. - Понимаете, у него могли быть долги. Он игрок. Он из-за этого был вынужден продать свою квартиру.

- А вашу?

- А у меня своей квартиры нет. Это жилье моих родителей, но вы правы, именно из-за этого я с ним и развелась. Не могла подкладывать под благополучие своего ребенка мину замедленного действия.

- А насколько большие долги у него были?

Ирина снова пожала плечами.

- Я не знаю. Я сняла ему квартиру и заставила переехать отсюда ровно год назад. Потом, спустя еще два месяца, нас развели официально. После этого он перестал сюда приходить. Я пообещала не подавать на алименты, но пригрозила, что обязательно это сделаю, если он будет нам надоедать.

- Вы бы выполнили угрозу?

- Думаю, что да, потому что я не склонна к дешевым театральным эффектам. Но он предпочел не проверять.

- Вы сказали, что сняли ему квартиру. На какой срок?

- Сначала до официального развода, а после него еще ровно на год.

- То есть срок оплаченной аренды...

- ...истекает в следующем месяце.

- Вы не знаете, как и на что жил ваш муж все это время?

- Бывший муж, - поправила Ирина. - Нет, не знаю. У него была крыша над головой, и так как по теории вероятности он не мог все время проигрывать,

значит, какие-то деньги на еду у него водились. Если честно, он неприхотлив. Был неприхотлив, – поправилась Ирина. Слово «был» царапнуло язык.

– А где именно он играл, вы знаете?

– Когда я вообще узнала, что он играет, то это было подпольное казино «Ванкувер». Я, признаться, не очень в курсе этой стороны жизни нашего города. Просто про «Ванкувер» незадолго до того случая читала в местной газете, в «Курьере» кажется. Поэтому сразу и поняла, куда именно Дима уходил по вечерам. Возможно, они поменяли дислокацию. Больше года прошло.

– Что ж, это мы выясним. – Второй полицейский встал со стула, захлопнул блокнот, показывая, что разговор закончен.

– Но вы не ответили на мой вопрос. Диму убили?

– Нет, он покончил с собой. Вы были абсолютно правы, предполагая, что из-за долгов.

– Покончил с собой? Дима? Но это невозможно. Для этого он слишком себя любит. То есть любил.

– Нет никаких сомнений, – полицейские уже дошли до двери в подъезд и теперь стояли на пороге, – он оставил предсмертную записку. В ней написано, что он задолжал очень крупную сумму, которую будет не в состоянии отдать, что люди, которым он должен, не будут церемониться, что ему некуда бежать, потому что они все равно его найдут, а потому он предпочитает разрубить этот узел сразу и никого не винит. Да, еще в записке он просит прощения у сына.

– У сына? – У Иры против воли дрогнул голос. – Надо же, перед смертью он вспомнил о сыне. Страшно. Скажите, а его тело... Когда его можно будет забрать? У Димы в этом городе никого нет. Родители его живут на Украине. Я думаю, они не смогут организовать похороны, и это, наверное, придется сделать мне.

«Добрый полицейский» с интересом смотрел на нее, словно она была неведомой ему до этого зверушкой.

– А вы согласитесь стать организатором его похорон?

– Наверное, я не была хорошей женой, потому что вышла замуж без любви и развелась, даже не пытаюсь бороться. Но Дима не сделал мне ничего плохого. Он добрый по сути своей человек, только слабый и безвольный. И он – отец моего сына, а я не совсем уж сволочь. Поэтому да, я похороню его по-человечески.

– Так как ничего криминального в его смерти нет, то дело будет быстро закрыто. Думаю, что к концу недели сможете провести похороны, – сообщил полицейский, после чего они ушли, оставив Иру наедине с ее думами.

Со всеми свалившимися на нее неожиданными делами она справилась на «отлично», как со всем, за что бралась. Похороны организовала, приехавшего от семьи проститься старшего брата поселила, покормила и отправила назад, выдержала скандал с владелицей квартиры, которая кричала, что после покойника не сможет ее сдать, оплатила проведение там генеральной уборки, те вещи, которые не забрал брат, отнесла на свалку, аккуратно сложила в сторонке, вдруг кому пригодится. Свидетельство о смерти положила к документам. Ничего ценного в квартире не было. Видно было, что незадолго до смерти Дима продал все, что представляло хотя бы малейшую ценность, видимо, пытался отыгаться.

Сумма его долгов была Ирине неизвестна, но она про них и не думала. Уж что-то, а Димочкины долги точно не имели к ней никакого отношения. Так она на тот момент наивно считала. Похороны ее бывшего мужа состоялись пятого апреля, а двенадцатого, в День космонавтики, к Ире снова пришли.

Почему-то именно то, что случилось это в День космонавтики, лезло в голову чаще всего. «Праздничность» даты снова царапала что-то внутри.

На этот раз визитеров снова было двое, вот только теперь это были не добрый и злой полицейские, а два безликих человека со словно стертymi лицами. Войдя в квартиру, один ушел в комнату, где смотрел мультики Ванечка, а второй взял Иру железными пальцами за шею и привел в кухню, где уютно булькал на плите борщ.

– Значит, так, – сказал он, усадив Иру на табуретку, – будешь орать – сделаем из твоего мальчишки инвалида. Это понятно? Если да, то кивни.

Ирина кивнула, словно замороженная. Шея горела огнем, будто на ней содрали кожу. Ира косила глазами в сторону двери, но из комнаты доносились только звуки работающего телевизора. Ванечка не плакал, значит, его не обижали. Пока.

– Твой муж остался должен. Много должен. И людям, которые относятся к жизни серьезно. Понимаешь?

Ира снова кивнула, соглашаясь. Что ж тут было непонятного.

– Мы навели справки, у него ничего нет. Совсем. Значит, отвечать за его долги будешь ты. Он, собственно, и брал под тебя.

А вот это уже было непонятно. Что значит «брал под нее»? Дима не мог не знать, что квартира Иры ей не принадлежит, не мог не понимать, сколько стоит ее машина, и уж точно понятия не имел о банковской ячейке, в которой на данный момент лежал без малого один миллион рублей. Интересно, если их отдать, хватит этого, чтобы покрыть долг, или нет?

– Что значит «он брал под меня»? – хрипло спросила она. – И сколько он, собственно говоря, должен? Видите ли, эта квартира не моя, и я не смогу ее продать...

Каркающий смех прервал ее слова. Да, лицо ее собеседника оставалось невозмутимым, словно на нем была надета маска, но звук, идущий откуда-то изнутри, был именно смехом.

– Да кому, на хрен, нужна твоя квартира? – Он спросил грубее, но Ира не терпела мата, а смысл по большому счету не менялся. – Сколько она стоит? Трехкомнатная, в центре города, с высокими потолками и хорошим ремонтом. Ну, пять миллионов, максимум, если повезет, шесть.

– А этого мало? – Внезапно Ира поняла, что проблема гораздо серьезнее, чем ей казалось кошмарные пять минут до этого. – Пять миллионов мало, чтобы закрыть

его долги? Но у меня столько все равно нет.

- Он должен двести...

- Двести чего?

- Ну, не долларов же. - Мужчина снова засмеялся. - Двести миллионов рублей.

От чудовищной невозможности названной суммы у Иры даже в ушах зашумело. Нет, это не может быть правдой. Никто и никогда не одолжил бы такую сумму никчемушному Димочке, у которого не было даже копеечного заработка. Ну, не под потенциальный же выигрыш ему их давали. Эту мысль она и озвучила вслух.

- Конечно, не под выигрыш, - согласился ее гость. - Я ж говорю, под тебя давали. Знали, что он их обязательно спустит, а ты будешь вынуждена отработать.

Отработать? В голове шумело все сильнее. Господи, да даже в самые лучшие ее годы Ирину Поливанову никогда не взяли бы в элитные проститутки. Не хочет же этот страшный человек сказать, что она сможет своим телом отработать долг в двести миллионов. Вопрос, хоть и не произнесенный, видимо, тоже легко читался у нее на лице, и собеседник снова загоготал, как нажравшийся зерна гусь.

- Да кому ты нужна, кошелка драная. Ты работаешь где? Занимаешься чем? С каждой твоей сделки, если по уму, можно минимум по столынику снимать. Вы же так документы оформляете, что комар носу не подточит, и так цены сбиваете, что никому не обламывается. Владельцы твои типа честные. Ты сейчас какой сделкой занимаешься, курица?

Ира занималась подготовкой документов для участия в двух областных тендерах на поставку дорогостоящего оборудования для лучевой терапии раковых больных. Два прибора закупались двумя отдельными сделками для двух крупнейших больниц области, и фирма, в которой работала Ирина Поливанова, на полном серьезе собиралась в них участвовать. Затраты на поставку одного комплекса тянули на сто пятьдесят миллионов. Начальная цена контракта составляла двести пятьдесят миллионов, и начальник Ирины собирался падать до цифры в сто шестьдесят. Работал он всегда по-честному, не зарываясь и

считая, что всех денег не заработаешь. На раковых больных особенно.

– Сделаешь так, чтобы в документах твоей фирмы была ошибка. Чтобы ваши заявки отклонили. При этом поможешь правильным людям оформить свои заявки, наоборот, так, чтобы комар носа не подточил. Сумма там будет стоять в двести пятьдесят мультот. Усекла? Два пакета документов – и весь твой долг отработан. Усекла? В этом году закупки медтехники массово пойдут. На эти цели бюджет в аккурат полмиллиарда выделил. Если твоя контора не будет путаться под ногами, а документы того человека, которого я представляю, будут оформлены со всем твоим старанием, то от этой суммы еще миллионов сто пятьдесят откусить можно будет. Это уже сверх долга.

– Почему же сверх?

Вопрос выскочил раньше, чем Ирина осознала его нелепость и ужасность. Что же это, она уже торгуется? Получается, что она согласна?

Парень снова заржал, видимо наслаждаясь гаммой чувств, которые последовательно отражались на лице его жертвы.

– Так двести – это то, что Димка был должен. С учетом процентов, разумеется. А то, что сверху, это за беспокойство. Ну, и понятно, что любой труд должен быть оплачен, так что, если все пройдет хорошо, десятка – твоя.

– Я должна подумать, – проямлила Ирина, понимая, что ей нужно остаться одной, чтобы понять, как ей жить дальше. – Это не так просто, как вы говорите. И я рискую. Не только репутацией, но и свободой.

– От сумы да от тюрьмы, – покладисто согласился ее собеседник. – Но выбора-то у тебя особо и нету. Или делаешь как я сказал, или через две недели будешь решение принимать заново, но только уже чтобы выкуп за своего мелкого засранца заплатить. Исчезнет он у тебя прямо в разгар белого дня. И концов не найдешь. Двести миллионов за Димку, сто пятьдесят на профит, еще сто – за мелкого своего. Не до конца года отрабатывать придется, а дольше. Ну и риск, соответственно, выше. А так думай, конечно. Уехать ты никуда не сможешь, потому что мы тебя везде найдем. Да и некуда тебе уезжать. Димка говорил, а мы проверили. Так что думай. За оформленными документами приеду двадцать шестого. Ровно две недели у тебя.

За всю ночь Ира проспала от силы минут пятнадцать. Глухо бухало сердце, саднило глаза. Ира закрывала их и тут же распахивала снова, напряженно вслушиваясь в тишину за стенкой, за которой тихо сопел Ванечка. Она не винила бывшего мужа в том, что произошло. Во-первых, какой спрос с покойника, а во-вторых, она понимала, что это она – причина его бед, а вовсе не наоборот.

Акция по ее устрашению готовилась давно и явно стоила свеч. Владелец фирмы, в которой работала Ирина, предупреждал, что в этом году им придется столкнуться с беспрецедентным давлением, сумма, выделенная на медицинское оборудование, была лакомым куском, и для ее «освоения» недобросовестные поставщики были готовы на что угодно.

Господи, тогда, слушая начальника, Ира даже подумать не могла, на что именно они окажутся способны.

Было ясно как божий день, что на слабохарактерного Диму они вышли специально, чтобы загнать того в долговую яму, из которой не было выхода, а потом предложить выкупить свою жизнь с помощью бывшей жены. Но то ли в Диме еще осталось что-то человеческое, то ли просто слаб он был настолько, что предпочел оставить мать своего сына разбираться с проблемами в одиночестве, но вопрос он решил кардинально, через петлю. То ли к сожалению, то ли к счастью, ничего подобного Ирина себе позволить не могла.

Пойти на поводу у мерзавцев? Сделать то, о чем они просят?

Нет, такого выхода она для себя не видела. Это было непорядочно по отношению к начальнику, подло по отношению к пациентам и невозможно для нее самой. Способствовать воровству денег из и так нищего областного бюджета она не будет. Во-первых, поступиться принципами достаточно только один раз, а потом пойдет-поедет. Во-вторых, в случае неудачи можно пойти под суд, и тогда Ванечка останется один. А в-третьих, если все получится, то эти бандиты ни за что не отстанут. Значит, соглашаться ни в коем случае нельзя. Это понятно.

Но не реагировать на угрозу тоже нельзя. А если они и впрямь не пугают, а на самом деле украдут Ванечку, чтобы заставить Ирину быть сговорчивее? Когда на кону почти полмиллиарда чистой прибыли, ясно, что они не отступят. Обратиться в полицию?

Ира вспомнила холодные глаза «злого полицейского», который приходил к ней в квартиру в день смерти Димы. Нет, они ни за что ей не поверят и не будут защищать ее ребенка. Да еще и проверку на фирму нашлют. Начальник ей этих разборок никогда не простит. Нет, так поступать нельзя тоже.

Значит, единственный выход – уехать. Спрятаться на время, пока все не утихнет и самые денежные и выгодные контракты не будут разыграны. Это произойдет до конца года, значит, именно это время и нужно где-то пересидеть. Да, пожалуй, это идея.

Чем больше Ира ее обдумывала, тем больше идея ей нравилась. Она скажет на работе, что ей срочно нужно уехать к родителям, и оформит отпуск за свой счет. Деньги на то, чтобы продержаться до конца года, у нее есть. Тот самый миллион в банковской ячейке, который она может забрать, не привлекая внимания. Квартплата у нее списывается с карточки, там денег достаточно, чтобы до нового года про это не думать. Жить на наличные, чтобы не оставлять электронных следов, по которым бандиты могут ее найти. Мобильник отключить, в Интернет выходить через VPN. Вот только куда именно уехать?

Конечно, надежнее всего было бы отправиться к родителям в Германию, однако гостевая виза кончилась у Ирины незадолго до рождения Ванечки, а новую она не оформляла. Зачем, если к родителям она пока не собирается. Конечно, можно было уехать на две недели в Москву, снять там номер в гостинице и быстро оформить визу, но больше чем на полгода ее все равно не дадут, а такого срока явно недостаточно. Но самая большая проблема заключалась в том, что у сына не было загранпаспорта, а оформлять его можно было только здесь, в родном городе, том самом, из которого требовалось срочно уехать.

Снять в Москве жилье? Дорого, да и близко их город от Москвы. Найдут, если захотят. Вдруг у них в полиции свои люди, а в Москве без временной регистрации не проживешь. Нет, не годится.

Неожиданно в памяти всплыл старый бабушкин дом, затерянный в деревенской глуши.

Нет, никто не догадается ее там искать, потому что вот уже десять лет как она там не бывала. Даже Димочка не знал о существовании этого дома, просто к слову не приходилось рассказать. И оформлен он на отца, не на Ирину. Никто не

поверит, что она – городская фифа – может уехать с маленьким ребенком в забытый богом уголок без воды, минимальных удобств, сотовой связи и медицинской помощи. Никто не будет ее там искать, рискуя дорогими машинами, не привыкшими к разбухшей после дождя глине.

Мысль нравилась Ирине все больше и больше. К утру план был готов. На столе лежал список продуктов, которые нужно будет закупить, не вызывая подозрений, чтобы продержаться в деревне хотя бы до сезона дачников. Деревенской работы Ирина не боялась, потому что была к ней привычной. Руки вспомнят, в этом она была уверена. Да и не было у нее другого выхода.

За неделю Ира решила все рабочие и хозяйственные вопросы. Наняла машину, которую под покровом ночи загрузила всем необходимым. На этой машине вместе с Ванечкой доехала до Москвы, где наняла уже другую машину, чтобы запутать следы. Временами ей казалось, что она поступает неправильно, глупо, но страх гнал ее вперед, особо не оставляя времени на то, чтобы задуматься. Из связи с внешним миром осталась только электронная почта на планшете. Симка в нем была случайная, давным-давно оформленная по акции, когда для того еще не нужен был паспорт. VPN включен. Ирине очень хотелось верить, что теперь ее жизнь и жизнь Ванечки находились под защитным колпаком и что никто ее не найдет. Не накажет за то, что она посмела послушаться.

Визит бандитов был намечен на двадцать шестое апреля, но к обеду двадцать третьего она уже разгружала свои пожитки у бабушкиного дома, а ей навстречу спешил сосед, которого она совсем не помнила, Полиект Кириллович.

* * *

Сидя на крылечке, Ирина обдумывала плюсы ее неожиданного деревенского лета. Мысли текли не спеша, и эта плавная неспешность, пожалуй, и была главным плюсом. День начинался рано и казался нескончаемым. Все в нем было подчинено не безумной спешке большого города, в котором нужно было успеть рвануть со старта первым, расталкивая локтями других, добежать до финиша, не упав по дороге, пересечь финишную черту победителем, получить положенные за это «плюшки», успеть потратить их до следующего забега, оттянуться, скидывая напряжение, и бежать дальше, особо не задумываясь о том, что это бег по кругу.

В деревне все было совсем не так. Посаженные растения каждый день выглядели по-новому. В парнике тянулись ввысь огурцы и помидоры. Отцвела черемуха и сирень, опали белым покрывалом лепестки яблонь и вишен, теперь под окном всюду цвел шиповник, наполняя комнаты ароматом через открытые створки окон.

Время, отведенное на приготовление еды, мытье полов и посуды, возню на огороде, было бесконечным. Это можно было делать сразу, а можно чуть погодя, после прогулки к речке. На берегу Ира плела венки для Ванечки и для себя, а еще они подолгу сидели на деревянных мостках, потому что сынишка мог час опускать и выдергивать из воды пластмассовую удочку с пластиковой же рыбкой. При этом он залиvisto смеялся, его мордашка светилась счастьем, а Ира наблюдала за сыном, смежив веки, чтобы в глаза не било жаркое в этом году июньское солнце, и душа ее наполнялась радостью и покоем. Да-да, в деревне ей было спокойно, впервые за много-много лет.

Вечерняя потребность посидеть на крылечке, вслушиваясь в звон комаров, сторонящихся зажженного фумигатора, вошла в привычку. Сын спал в комнате, утомленный обилием деревенских впечатлений, которых неожиданно оказалось гораздо больше, чем в городе. Помимо ловли рыбы в речке нужно еще было успеть понаблюдать за жуком, торопящимся по своим делам, бабочкой, делавшей «крылышками бяк-бяк-бяк» над расцветшим на огороде одиноким ярко-красным маком, построить домик из песка, который откуда-то притащил в построенную им песочницу Полиект Кириллович.

Наблюдать за соседом было тоже удовольствием, правда, оно существовало не для Ванечки, а для самой Ирины. Казалось, Полиект Кириллович никогда не сидел без дела. С утра он уходил гулять со своими собаками то ли в лесок, то ли на болота. Проверять Ирина желанием не горела. Видимо, завтракали собаки тоже во время прогулки, потому что с собой сосед уносил два полных солдатских термоса литров на пять каждый, а обратно возвращался уже с пустыми.

Пока Светлана Георгиевна хлопотала по дому или огороду, сосед косил траву на своем участке, не забывая заодно наведаться и к Ирине, столярничал, сколачивая то новую лавку, то вот песочницу, что-то прибывал, чинил, красил. После обеда он уходил на рыбалку и возвращался всегда с уловом, которым часто делился с Иррой. Он то качал воду, то топил баню, то налаживал антенну на доме.

Вечером, когда Ирина, предварительно предупредив, заходила к соседям посмотреть телевизор или просто поговорить, он какое-то время с удовольствием участвовал в беседе, а потом, присвистнув, снова уводил собак на прогулку, опять прихватывая для них нехитрый ужин, который накладывал в термосы из огромных стоящих на плите кастрюль. Чем именно он кормил своих псов, Ирине подсмотреть ни разу не удалось, да она в общем-то и не любопытничала. В доме пахло тушеным мясом, а собаки выглядели не толстыми, но вполне здоровыми, гладкими, с лоснящейся, хорошо расчесанной шерстью.

На участке, точнее, в вольере, в котором собаки запирались, когда в дом приходили гости, тоже стояли большие миски, видимо, с чистой водой. В общем, жизнь у собак была хорошая, сытая и вольная. И за ту основательность, с которой Полиект Кириллович брался за все дела, Ирина его очень сильно уважала.

После того как соседи узнали ее историю, они прониклись к Ире и Ванечке горячим сочувствием, помогали во всем чем могли. Полиект Кириллович, правда, считал, что она не должна была прятаться и сидеть теперь в деревне сложа руки.

– Что ж ты тут, до морковкина заговенья жить станешь? – горячился он. – Ты женщина молодая, красивая, тебе в цивилизацию надо. Ладно, лето, погода хорошая, а осенью? Дожди зарядят, глина размокнет, потом снег выпадет. Нет, воздухом надышитесь – и надо тебе домой возвращаться, решать свои проблемы. Ни одно важное дело само собой не делается.

– Если бы я знала, что предпринять, я бы и убежать не стала, – слабо сопротивлялась Ирина. – Нет у меня таких знакомых, чтобы могли мне помочь. Нет, я уж тут пересажу, пока все аукционы не закончатся, а потом вернусь. Хочется верить, что про меня к тому моменту забудут.

Полиект Кириллович только качал головой, лысой, похожей на шар для боулинга, а Светлана утирала глаза уголком фартука, который, кажется, не снимала ни днем ни ночью, – сочувствовала.

Свет в доме Куликовых гас довольно рано, часов в десять вечера, не позже. Это сидящая на крылечке Ирина видела отчетливо. Сама она уходила спать около одиннадцати, когда сменившая дневную жару прохлада, в свою очередь,

уступала место холодному дыханию ночи. Плечи, открытые всем ветрам легким сарафаном, покрывались мурашками, начинали подмерзать ноги, и Ира, задув спиральку фумитокса, уходила в дом, заперев дверь изнутри на тяжелый, надежный засов.

Вот и сегодня она все пыталась заставить себя встать с крыльца, на котором ей так славно сиделось, но отчего-то медлила, не в силах оторвать взгляд от пламенеющего на краю деревни заката. Ну надо же, уже середина июня, скоро два месяца, как она живет здесь, в деревне, откуда такой далекой, такой эфемерной кажется вся ее предыдущая жизнь.

Ира помнила, что и раньше, в детстве, на каникулах, у нее частенько возникало такое чувство полной отрешенности, отрезанности от всей привычной жизни. Школа, родители, друзья и подружки казались оставшимися где-то далеко-далеко, а реальными оставались только плеск воды в реке, звук молочной струи, ударяющей в ведро, запах свежее испеченного хлеба и картина огненного заката.

Или это гены дают о себе знать таким вот странным образом? Тот самый неведомый голос крови, в который в их семье никто не верил. Особенно родители. Для отца не существовало ничего, кроме его работы. Он мог сутками вообще не вставать из-за микроскопа, проводя в лаборатории все свободное время. А мама давно привыкла считать своей аккуратную, ухоженную пастораль немецкого городка, в которой, на Ирин взгляд, было совсем не за что зацепиться глазу. Ей в Германии больше всего не хватало простора. Того самого простора, которого здесь, в деревне Заднее, было сколько душе угодно.

Неожиданно послышался странный звук. То ли треск сучьев под чьими-то ногами, то ли приглушенный возглас. Ирина тут же напряглась. За два месяца она привыкла к царящей в округе абсолютной тишине, никогда не прерываемой новыми звуками. Треск повторился снова, словно кто-то шел, стараясь остаться невидимым и неслышимым для постороннего уха.

Волоски на обнаженных руках Ирины встали дыбом. Она и сама не знала, от страха или от все больше и больше сгущающейся ночной свежести. Порывисто вскочив с крыльца, она выглянула на улицу. Здесь не было ни одного фонаря, хотя сейчас июньскими белыми ночами и без света отчетливо виднелось, что она совершенно пустынна. Наискосок через дорогу чернел окнами дом Куликовых. Соседи, как и положено в этот час, уже спали.

Ира вернулась к своему дому, отворила калитку в огород, зашла туда. Под ноги ей кинулся кто-то юркий и жаркий. Сердце зашлось, потому что кошек в их деревне не водилось. Куликовы держали огромных собак, в пустующих домах никто не жил, даже дачники, постепенно обживающие свои домики в деревушках поближе к Соловьево. Ирина бы, может, и не отказалась от котенка здесь, в деревне, но возиться с ним в круговерти ее городской жизни было совершенно невозможно, да и взять негде.

Повторился шорох, в двух шагах от Ирины взметнулся фонтанчик земли, и она вдруг поняла, кто это хозяйничает в ее огороде. Ну, конечно, кроты. Облегченно выдохнув, она вдруг осознала, как сильно испугалась. Все это время она невольно боялась, что ворвавшиеся в ее жизнь бандиты найдут место, где она так хорошо схоронилась. Неизвестно как, но вычислят, что она здесь, в Заднем, и приедут, чтобы ее наказать. Кротов же можно не бояться.

Впрочем, перерытый огород, в котором ее трудами и при помощи Куликовых был наведен идеальный порядок, не входил в ее планы. Что ж, завтра же она попросит Полиекта Кирилловича через Интернет заказать специальные устройства для отпугивания кротов, которые можно воткнуть в землю.

Светлана Георгиевна говорила же, что ее муж заказывает в Интернете разные товары, которые потом привозят на почту в Соловьево, а он уже забирает их оттуда, когда ездит за продуктами. Что он и ее посылку заберет или возьмет Ирину с собой в коляске мотоцикла, чтобы она хоть на белый свет посмотрела. Вряд ли Светлана Георгиевна откажется присмотреть за Ванечкой.

На этой мысли, совершенно успокоенная, Ирина вернулась к крыльцу, вошла в дом, заперла за собой дверь и пошла спать.

Ночью ударила гроза. Молнии раскалывали небо, отчего в комнате казалось светло, как днем. Гром гремел с такой силой, словно мощенная булыжниками небесная дорога, по которой грохотала колесница, управляемая Зевсом-громовержцем, проходила в аккурат над деревней Заднее. Колесница ухала, стонала, скрипела огромными колесами, подпрыгивающими на поворотах.

Проснувшись Ирина с тревогой подскочила к кровати, на которой спала в детстве. Не проснется ли Ванечка, не испугается ли? Но малыш спал крепко и спокойно, ничуть не встревоженный ни молниями, ни громом, ни начавшимся

сильным ливнем, наотмашь бившим по стеклам, отчего те дрожали и тоненько звенели, жалуясь на незаслуженную порку.

Из форточки тянуло прохладой и тем особым ароматом, который всегда приносит летняя гроза. Бабушка говорила, что в это время воздух насыщается озоном и дышать им особенно полезно, если потом всю зиму не хочешь болеть. Болеть Ирина не хотела, а уж сыну и вовсе желала здоровья без меры, но форточку предпочитала закрывать, боялась шаровой молнии.

В детстве все дети деревни отчаянно боялись шаровой молнии, и Ира боялась тоже. И просила бабушку закрыть форточки, а та только смеялась в ответ и рассказывала о пользе озона. Однажды во время грозы Ира выбежала на двор, в туалет, а когда вернулась, то неплотно прикрыла входную дверь, ведущую из сеней в дом. Молния, словно притаившаяся в огороде в ожидании подходящего случая, тут же всплыла в комнату, втянутая сквозняком, зависла между потолком и полом напротив печки, и Ира, вбежав в комнату, чуть ли не уткнулась в нее и замерла неподвижно, успев отметить краем сознания лишь белое-белое лицо бабушки.

– Не двигайся, – сказала бабуля одними губами. Звука Ира не слышала, просто считывала слова по еле заметному шевелению рта. – Медленно, очень медленно отодвигайся в сторону кухни, а там сразу прыгай за печку. Не поворачивайся спиной.

Ира тогда все сделала именно так, как говорила бабушка. Маленькими шагами, стараясь не создавать лишнего движения воздуха, пятилась и пятилась сначала к выходу из комнаты в кухню, а уже там опрометью бросилась за беленую печку, протиснувшись в совсем узкий закуток между ней и белой стеной.

Потом послышался какой-то грохот, от которого Ира зажала уши и зажмурилась. Ей казалось, что молния убила бабушку, и не сразу она поняла, что кто-то отдирает ее руки от лица, и это была бабушка, живая и невредимая. Уже потом она рассказала внучке, что после того, как та оказалась в безопасности, резко прыгнула к окну, дернула створки, распахивая его настежь, и молния, привлеченная воздушным потоком, выплыла в окно так же степенно, как до этого нырнула в форточку.

– Дверь в сени прикрой, – спокойно сказала бабушка, словно им обеим и не грозила опасность всего несколько минут назад. Но с тех пор форточки во время грозы всегда закрывала и о пользе озона не вспоминала.

Встав с кровати, Ира подошла к выходящему на улицу окну, высунулась под дождь, доставая створку, в деревенском доме форточки открывались наружу, а не вовнутрь, и Ира все собиралась привязать к шпингалету веревочку, чтобы не мокнуть под каждым дождем, но так и не собралась.

Дождь хлестал с такой силой, что обнаженной руке сразу стало больно под бьющими злобными струями. Мокрые пальцы соскальзывали, и Ира высунулась посильнее, чтобы ухватить мокрое непослушное дерево.

В доме соседей горел свет. Это было очень странно, потому что они рано вставали и рано ложились и не имели привычки бродить по ночам. С улицы слышался лай собак – нестройный хор огромных псов, почуявших чужака. Кожа Ирины снова покрылась пупырышками то ли от колких холодных горошин – гроза была с градом, то ли от вернувшегося страха.

По деревне ходили чужие. Она снова вспомнила крадущийся звук шагов, под которыми трещали ветки. Нет, это был не крот, а человек. Тот, кто сначала отирался вокруг ее дома, а теперь потревожил куликовских собак. Кто это был? Вор, ищущий, чем бы поживиться в заброшенных домах? Случайный путник, сбившийся с пути и теперь пытающийся укрыться от ливня? Или человек, отправленный на поиски несговорчивой Ирины Поливановой, нашедший ее в глухой деревне и теперь проводящий рекогносцировку на местности, чтобы быть уверенным, что его планам по ее наказанию никто не помешает?

А может, к соседям просто приехали гости? А может, Полиекту Кирилловичу или Светлане Георгиевне нездоровится? А что, люди они все-таки пожилые, перед такой сильной грозой вполне могло сердце прихватить. Что же делать, бежать на помощь, чтобы узнать, что случилось? Или остаться в относительной безопасности дома. Уж что-что, а засовы на двух входных дверях – в сени и в дом – у этого дома крепкие.

Новый раскат грома сотряс округу, косые струи дождя, оказывается, успели наметать в комнату градин через так и не закрытую Ириной форточку, и теперь град устилал подоконник, словно просыпанная впопыхах банка

консервированного горошка. Ирина привстала на цыпочки, поймала хлопающую на ветру форточку, закрыла ее, с трудом вставив шпингалет в нужное отверстие. В комнате сразу стало тише. Свет в доме напротив погас, и Ира вернулась в постель, немного успокоившись.

Соседи проснулись от лая собак, поэтому Полиект Кириллович и включил свет – проверить, все ли ладно. И выключил, поняв, что беспокоиться не о чем. Собаки могли лаять и от страха перед грозой. Ира знала, что животные боятся грома и молний. У ее подруги жил черный лабрадор, который во время грозы умудрялся залезать в стиральную машину и не вылезал оттуда ни за какие коврижки, пока раскаты не затихали. Может, и соседские псы забеспокоились вовсе не из-за чужака в деревне?

Вывод казался разумным, гроза тем временем удалялась, ее тяжелая поступь раздавалась теперь уже где-то на болотах, на улице просто шел дождь, и под его размеренный шепот, такой непохожий на громовые раскаты, Ирина провалилась в сон.

Глава 2

Веретьев проснулся оттого, что дождь лупил по брезентовому верху палатки. Вообще-то к летним дождям им было не привыкать. Они были обязательной частью каждой экспедиции и особого вреда не доставляли. Лагерь всегда разбивали на некотором возвышении. Сколачивали деревянный настил, который покрывали лапником, а уже сверху ставили палатки – основательные, десятиместные, прочные. На них никогда не экономили, впрочем, как и на другой походной амуниции.

Внутри каждой палатки ставилась печка, потому что погода в июне бывала разной, и в дождь с печкой все просыхало гораздо быстрее. Отдельная небольшая палатка – для продуктов – разбивалась у основного кострища. Того самого, где собирались вечерами и где огонь поддерживался круглосуточно. У огня сидели дежурные.

Это правило – дежурить по ночам и выставить дозорных – Веретьев ввел еще в самом начале своей работы командиром поискового отряда. Он и сам не знал, от

кого может потребоваться защита двадцати взрослым мужикам, но предпочитал не рисковать. Пару раз в их лагерь наведывались медведи, один раз пришли на разборки пьяные местные жители, вот, пожалуй, и все внештатные ситуации, в которые попадал за десяток лет экспедиций поисковый отряд Александра Веретьева. И тем не менее правило круглосуточного дежурства он не отменял.

Поисковой работой он увлекался еще в годы службы. Просто тогда получалось принять участие максимум в одной экспедиции в год, во время отпуска, и, конечно, не в ранге командира. Когда он уволился и только-только привыкал к гражданской жизни, к существованию в условиях не войны, но чего-то очень похожего, потому что бизнес в нашей стране трудно считать занятием сугубо мирным, он сколотил свой отряд, потому что военизированная форма одежды, палатки под открытым небом, запах дыма от костра словно возвращали его в прошлое, в котором он чувствовал себя уверенно, в отличие от настоящего, где ему пока приходилось туго.

Как-то он вычитал в Интернете, что стать настоящим поисковиком можно один раз и на всю оставшуюся жизнь. Мол, можно начать курить, а потом бросить, а вот с поисковой работой так не получится. Курить Веретьев действительно давно перестал, это был просто-напросто один из вызовов, которые он периодически бросал сам себе, за неимением более подходящих противников. А поисковым экспедициям посвящал все свое свободное время, особенно коротким летом, когда белые ночи позволяли копать часов десять-двенадцать подряд.

Начальник и старый друг, вместе с которым Веретьев работал, про увлечение знал и ничего не имел против. Считал, что каждый сходит с ума по-своему. Каждый июнь он беспрекословно отпускал своего зама и правую руку на целый месяц кормить комаров. И спонсировал существование отряда, который, конечно же, оформлял всевозможные гранты, но без финансовой поддержки вряд ли мог проводить экспедиции с подобным уровнем комфорта.

Свои свободные деньги, равно как и все свое свободное время, Веретьев вкладывал в отряд тоже. Впрочем, увлечение сжирало не только деньги и время, но и личную жизнь. Ни одна девушка не могла смириться с тем, что сразу после того, как сходит снег, Веретьев проводит в лесу все выходные. И казавшиеся бесконечными юни тоже не мог вытерпеть никто, и отсутствие нормального отпуска где-нибудь на побережье теплого моря, и заваленную амуницией кладовку в квартире, и вечные разговоры о форме черепов, о найденных останках, касках и значках, поиске родственников погибших и всем прочем, чем

поисковый отряд занимался круглогодично. Даже зимой. Когда не было возможности выезжать в леса, они копали в Интернете и в архивах. Большинству женщин это было скучно.

Нет, в их отряде, конечно, женщины были. Одна – бессменная повариха Оля, которая всегда знала ответы на самые неожиданные вопросы. К примеру, сколько какао-порошка нужно всыпать в ведро воды? Достаточно ли четыре пачки риса на то же самое ведро воды, но с другим результатом? И надо ли кипятить заварку? Оля ездила в экспедиции вместе с мужем и вот уже десять лет подряд отмечала в лесу свои дни рождения. На костре жарились шашлыки, пелись песни под гитару, доставались заранее припрятанные в рюкзаках подарки, и все были совершенно счастливы, начиная с самой именинницы.

Вторая женщина – медсестра Таня – ездила с ними уже третий год подряд, и Веретьев знал, что лишения походных условий и комариные укусы она терпит из-за него. Таня была в него влюблена, истово, горячо и, к сожалению, безответно. Он и сам не знал, что мешает ему ответить на ее чувство. В иные ночи, когда он был дежурным и не спал, поддерживая огонь в костре, полыхающий за лесом закат вызывал у него острое чувство одиночества, и он уже был готов откинуть полог «медицинской» палатки. Ее разбивали отдельно, там все было готово на случай оказания первой помощи, и Таня ночевала там в одиночестве, каждый вечер бросая на Веретьева долгий и многообещающий взгляд перед тем, как задернуть полог.

Третьей дамой была Надя, Надежда Александровна, суровая женщина лет шестидесяти, пришедшая в отряд после того, как погиб ее единственный сын Костик, участвовавший в поисковых экспедициях лет пять, не меньше. Погиб он зимой, нарвался на нож пьяного хулигана, когда полез защищать девушку, к которой тот приставал. После смерти Костика над Надеждой Александровной поисковики взяли шефство, и летом она отправлялась в лес вместе с ними, отказываясь от «женских» обязанностей типа стирки и приготовления пищи, но копая наравне с мужчинами. Она и жила в мужской палатке, наотрез отказываясь переселиться к Тане в «медсанбат», а Таня и не настаивала, видимо не до конца утратив надежду на ночные посещения Александра Веретьева. Он и сам хотел бы знать, что именно его удерживало. Дома его никто не ждал.

Точно так же он не мог ответить на вопрос, что привлекает его в этой тяжелой работе, год за годом, шаг за шагом, пролесок за пролеском возвращающей к смерти. На данный момент он считался одним из лучших в их регионе

специалистов по военно-историческому поиску и одним из лучших руководителей поискового отряда в России. Впрочем, не к славе он стремился, а лишь к тому, чтобы стать тем человеком, которому земля станет отдавать свои страшные тайны.

Он так и объяснял всем желающим влиться в поисковое движение. Если вы хотите в экспедицию не по прихоти, не для того, чтобы проверить свою силу духа, не для красивых фотографий в «Инстаграм» (этого Веретьев совсем не терпел), а по призванию, то вам придется пахать и пахать, тащить рюкзаки с тяжелой амуницией по жаре, спать под дождем, копать по колено в грязи, тратить на свое дело все имеющиеся ресурсы: материальные, физические, временные, моральные. А если не готовы тратить, то сидите дома.

Сегодня его отряд был проверен временем и состоял только из самых надежных и верных людей. Тех, кто никому ничего не был должен и отправлялся в экспедиции по зову своего сердца. Тех, кто понимал, что ему ничего не должны, а потому думать о транспорте, еде, палатках, саперных лопатках, запасе воды и всем необходимом они будут все вместе и отвечать за малейшую оплошность тоже все вместе, потому что в их деле фраза «один за всех и все за одного» не была глупым книжным девизом.

За годы совместных вылазок давным-давно отсеялись те, кто считал, что их обязаны кормить, возить, развлекать, а главное – жалеть в случае стертых ног или сорванных ногтей. Те, кто мечтал нажиться на продаже найденных наград или других военных трофеев. Таких они изгоняли из отряда безжалостно, и не было им обратной дороги.

В поисковом отряде Александра Веретьева царил жесткая дисциплина и единоначалие. Его авторитет, авторитет командира, был непререкаем, и никто не смел его ослушаться. Да это и в голову никому не приходило. Примерно половину его отряда составляли бывшие кадровые военные. Им так было проще – подчиняться чужому решению и жить по правилам и строгому распорядку.

Металлодетекторы – качественные поисковые приборы, упаси господь, не китайские, закупались централизованно, на эти цели Веретьев выделял свои собственные средства. Палатки, печи, прочее снаряжение обеспечивали за счет грантов, которые оформляли ежегодно и каждый год выигрывали, потому что отряд имел отличную репутацию. За документы, в первую очередь финансовые, как раз отвечала Надежда Александровна, в прошлой жизни трудившаяся

главбухом крупного предприятия.

Качественными радиостанциями отряд снабжал начальник Веретьева, бизнесмен Феодосий Лаврецкий, меняющий их по мере надобности. Хорошие средства связи не были пустой блажью, только первейшим вопросом безопасности в лесу. И без запаса новеньких раций и батареек к ним веретьевский отряд из дому не выдвигался. Фляжки, котелки, кружки, ножи, ложки, спальники и прочую «мелочовку» каждый обеспечивал себе сам, и наличие всего необходимого Веретьев проверял собственноручно перед выездом в экспедицию у каждого члена отряда. Они уходили в лес, чтобы вернуться оттуда живыми и здоровыми, и за каждого из своих парней (и дам, конечно, куда же без них) Александр нес полную личную ответственность.

Он же отвечал и за маршрут экспедиции, заранее проложенный на подробной карте того района, в который им в этот раз предстояло отправиться. На полноприводных джипах они добирались до той максимальной точки, до которой можно было доехать в принципе. Дальше оставляли машины и шли пешком, углубляясь в лес или, как в этом году, на болото. Примерно в центре того круга, который они планировали обследовать, разбивался лагерь, откуда каждое утро копатели расходились по заранее разбитым квадратам.

Вечером все возвращались к биваку, чтобы поесть, простирать и просушить одежду, а затем до вечера сидеть и чистить гнутые котелки, ржавые бритвы, портсигары, мундштуки в поисках чуть заметных инициалов, перебирать гильзы, снова и снова просеивать землю в поисках человеческих костей и брать в руки человеческие останки, делая это без брезгливости, а лишь с огромным уважением и почтением к памяти павших героев.

Уже после девяти вечера был совместный чай и песни под гитару и бесконечные неспешные разговоры, которые могли вести только свои. Не поздно, максимум в одиннадцать, все расходились спать, чтобы снова встать в шесть утра и после тарелки походной каши опять выдвинуться в нужный квадрат и начать все сначала. Почему-то только здесь, в этой изо дня в день повторяющейся круговерти однообразных действий, Александр Веретьев чувствовал, что живет по-настоящему.

Он повернулся на другой бок и закрыл глаза, но сон не возвращался, словно отгоняемый дождем, стучащим по брезентовой крыше палатки. Бессонницей Веретьев страдал с армии, причем, как и положено давнему врагу, вела она себя

подло и непредсказуемо. Он мог месяцами засыпать как убитый, только коснувшись головой подушки, а потом без всяких на то видимых причин маяться без сна несколько ночей подряд, а днем работать с чумной головой и глазами, в которые словно насыпали песка.

Надо отдать зловредной напасти должное, раньше она никогда не нападала во время экспедиций. То ли свежий воздух, то ли физически тяжелая работа, то ли отключение мозга от рабочих проблем и полное погружение в любимое дело приводили к тому, что Александр прекрасно высыпался в своей палатке, несмотря на храпящих и сопящих в непосредственной близости пятерых здоровенных мужиков. Еще и поэтому из леса он всегда возвращался чувствуя себя отдохнувшим и полным сил.

Но не в этот раз. Вот уже вторую ночь он просыпался словно от толчка и потом вертелся до утра, стараясь не разбудить парней своим ворочаньем и сбившимся дыханием. И если сегодня его разбудил шум дождя, то чем было вызвано вчерашнее пробуждение, Веретьев даже не догадывался. Тихо было вокруг. Все как он любил.

И тем не менее на душе было беспокойно. Конечно, экспедиция в этом году была особенной. Впервые они копали не в лесу, а на болоте, и это обстоятельство заставило Веретьева провести над картами нужного района в три раза больше времени, чем обычно. Он чувствовал себя в ответе за жизнь и здоровье доверившихся ему людей, а на болоте каждый шаг в сторону от намеченной тропы в прямом смысле слова вел к гибели.

Наверное, он бы ни за что не решился пуститься в подобную авантюру, если бы не Паша. Павел Головин был одним из самых старых членов их поискового отряда, бок о бок они копали уже почти десять лет, и именно Паша первым выдвинул, а потом и отстаивал идею снарядить этим летом экспедицию в бирюковские болота.

Обоснование было веским. Здесь, неподалеку от деревни Бирюково, которая по трассе располагалась всего-то в тридцати километрах от Соловьево, а напрямки, через болота, и того ближе, в сорок первом – сорок четвертом годах проходил знаменитый бирюковский рубеж. Это было единственное в их регионе место, которое по-настоящему затронула Великая Отечественная война. Немецкое командование поставило задачу: именно здесь, в районе Бирюково, соединить немецкие и финские войска и таким образом замкнуть второе кольцо блокады

вокруг Ленинграда, а затем перерезать Северную железную дорогу и перекрыть связь с Мурманском и Архангельском, откуда морем приходила помощь от союзников. Почти три года советские войска держали здесь оборону и трижды здесь протекали кровопролитные бои, память о которых хранила здешняя земля. И в лесах, и на болоте.

– Ты ж пойми, это сфагновые торфяные болота, – в запале объяснял Веретьеву Паша. – А в них лучше всего сохраняются останки. Понимаешь? Торф служит отличным консервантом, не позволяя органике разлагаться. Ну, и доступа кислорода нет, а значит, процессы окисления и разложения замедляются в несколько раз. Так что там и кости в лучшем состоянии, да и предметы тоже. Хоть смертные медальоны, хоть архивные документы. Сашка, ты пойми, мы оттуда столько материала привезем, сколько нам ни одна экспедиция никогда не давала.

Логика в Пашкиных словах, несомненно, была, поэтому, взвесив все за и против, Веретьев и решил рискнуть. Амуницию в этот раз готовили гораздо серьезнее, чем обычно. Палаточный лагерь разбили на кромке леса, чтобы хотя бы ночью ощущать под ногами земную твердь, а не вязкую топь болот.

За первые три дня раскопок никаких ЧП не произошло, а первые ценные находки уже были, так что внутреннее напряжение, которое не отпускало Веретьева с того момента, как они разбили лагерь, начало постепенно сходить на нет. И вот поди ж ты, сна ни в одном глазу.

Кряхтя, как почтенный старик, Александр спустил ноги с койки, натянул резиновые сапоги, с которыми, казалось, успел сродниться на эти несколько дней, накинул непромокаемую куртку и нырнул под стоящий стеной дождь. Сквозь его отвесные струи даже было плохо видно костер, естественно погасший. Интересно, а дежурный где? Если выяснится, что спрятался от дождя в одной из палаток, завтра не избежать разноса за столь вопиющее нарушение дисциплины.

Но нет, из-за водной пелены слышались еле уловимые голоса. Дежурный, а им сегодня был как раз Паша Головин, разговаривал с кем-то, кому тоже почему-то не спалось. Дождь заглушал голоса, Веретьев почти по щиколотку проваливался в хлюпающую под ногами жижу. При первом же дожде близость болота давала о себе знать самым недвусмысленным образом.

– Привет, полуночники, чего не спится?

Вынырнувший из дождя Веретьев напугал собеседников. Правда, сделанный из крутого теста Паша только сжал зубы, играя скулами, а вот собеседник его ощутимо вздрогнул, отчего с его капюшона сорвались дождевые капли, потекли по лицу.

– Фу-у-у, Александр Викторович, напугали.

Веретьев рассмеялся забавному пацаньему испугу. Собеседником Пашки был Ленчик, Леня Шахматов, двадцатилетний парнишка, отправившийся с поисковым отрядом Веретьева всего во второй раз. По сути, даже членом отряда он еще не был, потому что не прошел процедуры посвящения в поисковики. Для этого полагалось минимум три сезона побегать в подмастерьях, поделывать всю черновую работу, куда входило и мытье посуды, и только после этого получить гордое звание члена военно-исторического отряда.

Парнишка Веретьеву нравился. Он был любознательным, трудолюбивым, не ныл и не жаловался, нехитрые правила поведения в суровом мужском коллективе понял и принял сразу, дисциплину поддерживал, в конфликты не вступал. Хороший был парнишка, дельный.

– Чего обсуждаете? – Дождь, казалось, начал стихать. Еще минут десять, и можно будет разжечь костер, чтобы потом уже с чистой совестью снова попробовать уснуть.

Про себя Веретьев уже решил, что если уснуть не получится, то он, пожалуй, подменит Головина, отпустив того спать. Чего вдвоем бодрствовать зазря? Хотя в их случае, получается, втроем.

– Да вот, Ленчик штуку одну сегодня нашел, решил посоветоваться.

– Это правильно. – Веретьев помнил, как в прошлом году сам проводил инструктаж с молодым студентом-историком, рвущимся в поисковики. Мол, перед тем как что-то рассортировать, а уж тем более выкинуть как не представляющее интерес, покажи старшим товарищам, потому что в экспедиции каждая мелочь имеет значение. – Что нашел-то, Ленчик? Медальон? Гильзу? Или документ?

– Кусок ткани. Мне непонятно, как он мог сохраниться? Тут же вода кругом. Сгнить все должно было к чертовой матери.

– Да в том-то и дело, что не должно, – засмеялся Веретьев. – Мне это полгода назад Паша вон объяснил, а потом я и сам кучу литературы прочитал на эту тему. Погибших в болотах еще называют «болотными людьми». Из-за кислой среды, создаваемой сфагновыми мхами, низкой температуры, а также отсутствия кислорода у них прекрасно сохраняются мягкие ткани, так что трупы выглядят нетронутыми даже через десятки лет. Вот только скелет, как правило, отсутствует, потому что кости в кислотной среде растворяются. Так что найти останки солдат в полном обмундировании мы очень даже можем. И основная наша задача – их сфотографировать, потому что, попадая на воздух, они начинают разлагаться очень быстро. А так эффект естественного бальзамирования получается. И на одежду он распространяется тоже.

Услышав про бальзамирование и возможную «встречу» с телами болотных людей, Ленчик взбледнул, это даже через дождь было видно.

Сглотнув, он мотнул головой:

– Да в том-то и дело, что не может это к нашей теме относиться. Не солдатское это обмундирование.

– А какое?

– Откуда я знаю, но ткань джинсовая.

Он достал из-за пазухи полиэтиленовый пакет, в котором болталось что-то темное. То ли мокрое, то ли грязное.

– Я вообще не хотел брать, потому что в войну джинсов точно не было, а потом вспомнил, как вы учили, что любая мелочь может иметь значение, и взял. При всех постеснялся спросить, чтобы на смех не подняли. Вот, дождался, пока все спать лягут, чтобы с Павлом Евгеньевичем посоветоваться. Да уснул малеха. От дождя только проснулся.

– Вот и я от дождя проснулся, – кивнул Веретьев. – Ты, Леня, молодец, все правильно сделал. И за спрос у нас никогда ни над кем не смеются, потому что спросить – это лучший способ что-то узнать. Конечно, твоя находка к нашим делам никакого отношения не имеет. Тут места жилые. Мог кто-то из местных в болоте утонуть.

Он снова увидел, как изменилось лицо мальчишки, и решил его пожалеть.

– Ну, или куртку утопить. Ладно, беги спать и не забудь вещи развесить у печки, чтобы до утра просохли.

– А с этим что делать? – В руках Леня по-прежнему держал пакет с лоскутом ткани. И обесценивать уж его находку совсем Веретьеву не хотелось.

– А это я утром посмотрю. При свете дня.

Мальчишка вприпрыжку убежал в свою палатку, то ли расстроенный, что сделанное им «открытие» оказалось неважным, то ли радуясь, что не обнаружил ничего более страшного.

Веретьев повернулся к Пашке, бормочущему что-то себе под нос.

– Ты чего?

– Да говорю, что странно это все. Я ведь родом из этих мест. Никогда тут у нас на болотах никто не тонул. По крайней мере, на моей памяти. Нас в детстве единственным утопленником пугали – Васяткой Прохоровым. Так не было у того никаких джинсов. Какие джинсы в глухой деревне в середине восьмидесятых? Нас родители стращали Васяткой, ужасов нагоняли, запрещая на болото ходить, но ни про каких утопленников базара не было.

Голос его звучал как-то странно, если бы Веретьев хуже знал своего друга, то, пожалуй, сказал бы, что говорил Паша неискренне.

– А вы ходили? На болота? – поддел его Веретьев.

– А как же. Манило нас сюда со страшной силой. Я ж с детства помню, сколько тут гильз можно было найти, котелков солдатских. А как-то раз мы с другом моим, Юркой, даже гранату нашли. Хорошо, что без чеки и запала. Притащили ее домой, мать с бабкой чуть в обморок не упали. Высыпали нам тогда обоим по первое число. Меня отец веником отхлестал, так еще ничего, а Юрку – ремнем с солдатской пряжкой, дедовым, неделю потом сидеть не мог.

– То есть ты на этой экспедиции настоял, потому что тебя с детства сюда влекло? – Веретьев улыбнулся, но по-доброму, без издевки.

– Так все мы родом из детства, сам знаешь, – немного смущенно ответил Головин. – Наверное, вот этот интерес к поисковой работе действительно тогда зародился. Это было очень интересно – отнимать у земли ее давно забытые тайны. Будоражило кровь как настоящее приключение. Вот считай, что в этом году я свой гештальт и закрою.

– Из отряда уйдешь?

– Нет, отряд – это навсегда, ты ж понимаешь. Но считать, что большое дело я в своей жизни завершил, буду. По всем счетам заплатил, все долги закрыл. И свои, и чужие. Вот так-то.

– Ну, пока мы живы, мы новые долги копим. – Веретьев пожал плечами. – Это я тебе точно говорю, Паш, ибо много над этим думал. Ладно, хотел тебя сменить, но лучше спать пойду.

Вернувшись в палатку, где по-прежнему на разные голоса всхрапывали, сопели и даже постанывали во сне его верные соратники, Веретьев пристроил сушить к печке куртку, скинул сапоги, влез в свой спальник и через минуту уже крепко спал. На сегодня бессонница покинула поле боя, оставив победу противнику.

* * *

Следующее утро встретило таким ясным небом, что оно невольно заставляло сомневаться в том, что у природы вообще есть такое явление, как проливной дождь. Веретьев проснулся, как обычно, в пять утра и чувствовал себя абсолютно выспавшимся, чему не мог не радоваться. Все-таки в экспедиции

даже бессонница становилась не такой злобной, и ночной ее визит не привел ни к головной боли, ни к чувству полной разбитости в теле. И за это спасибо.

Потихоньку просыпался, умывался, ел свою утреннюю кашу, сваренную на походной печке, лагерь. Бойцы поискового отряда переговаривались тихонько, вполсилы, словно примериваясь к новому дню, чистили зубы, плескались в лужицах болотной, пахнущей торфом воды.

– На речку бы сходить, – мечтательно сказал Ленчик. – Вода, наверное, теплая. Наплавались бы, да и вымылись по-настоящему. Я по карте смотрел, тут недалеко.

– В воскресенье сходим, – пообещал Веретьев. – По традиции объявим банно-постирочный день.

Сегодня была пятница, и Ленчик немного приуныл, но, впрочем, уже скоро снова вернулся к своей привычной улыбке. Этому парню ничего не могло испортить настроения.

– В воскресенье так в воскресенье. Это ж уже послезавтра, – бодро сказал он. – Александр Викторович, а ткань, что я нашел, будете смотреть?

Веретьев тяжело вздохнул. Возиться с бесполезной находкой не хотелось, но он же пообещал. Нельзя заставлять мальчишку сомневаться в слове командира, и исследовательский пыл в нем гасить тоже нельзя. Он и так мало в ком горит.

– Тащи свою тряпицу, – покорно сказал он. – Пока ребята собираются, я посмотрю.

– А завтрак?

– Да я уже позавтракал.

Он поднялся с бревна, на котором сидел, и оглянулся в поисках бака, в котором они мыли посуду.

– Да давай уж, сама вымою, – с показной грубостью мимо прошла Таня, забрала его миску и ложку, слегка коснувшись пальцами руки, словно лаская мимоходом.

Веретьев снова вздохнул. Ну как ей объяснить, что она зря старается?

Таня была симпатичной, ладно скроенной, доброй и веселой. А еще свободной, абсолютно свободной от любых обязательств, а это было для Веретьева важным, потому что на замужних женщин для него было наложено табу. А еще покорной, и, пожалуй, именно в покорности, которая, не скрываясь, выплескивалась из глубины Таниных глаз, и крылось объяснение, почему она не привлекала Веретьева. Ну вот нисколько не привлекала. Покорность его раздражала.

Ленчик принес пакет с лоскутом ткани, в котором при свете дня действительно угадывалась синяя джинса. Такой цвет назывался «индиго» и, пожалуй, был единственно возможным в Советском Союзе.

Не совсем понимая, зачем он это делает, Александр развернул пакет, натянул всегда лежащие в кармане резиновые перчатки и достал лоскут. Тот начал расползаться прямо в руках. Ну да, ткань долго лежала в толще торфа, а потом при соприкосновении с воздухом начался быстрый процесс гниения. Ничего удивительного.

– Пойдем, покажешь, где ты это нашел. – Веретьев решительно поднялся, махнул рукой Паше Головину, чтобы следовал за ним. Он и сам не знал, какая сила гонит его к месту находки куска старой джинсовой ткани. К Великой Отечественной войне и тому делу, которому они все тут служили, она не могла иметь отношения, и все же.

– А раскопки как же?

– Ребята без нас выдвинутся, потом догоним. Далеко это?

– Нет, во вчерашнем квадрате, метров пятьсот к югу отсюда.

– Ну и лады, быстро управимся. Надежда Александровна, пока не вернемся, вы за старшую.

Пожилая женщина молча кивнула, что поняла и приняла.

Все снаряжение взяли с собой, чтобы в лагерь потом не возвращаться. Шли гуськом, под ногами хлюпало сильнее обычного. Ночной дождь заметно поднял уровень воды, но Веретьев не волновался, судя по карте, до настоящей топи еще довольно далеко.

Шли минут восемь, не больше. Деревья давно уже сменились низкорослыми кустарниками, и впереди уже виднелось ровное пространство, поросшее травой и мхом. Болото.

«Где-то там, на унылой глади этих болот, дьявол в образе человеческом, точно дикий зверь, отлеживался в норе, лелея в сердце ненависть к людям, которые изгнали его из своего общества. Лишь этого не хватало, чтобы усугубить то мрачное, что таилось в голой пустыне, расстилавшейся перед нами», – внезапно вспомнил Веретьев. И улыбнулся даже.

В детстве он очень любил «Записки о Шерлоке Холмсе», и «Собака Баскервилей» была его практически настольной книгой. И фильм, прекрасный советский фильм с Ливановым, Соломиным и Михалковым, любил тоже и сейчас невольно вспоминал знаменитую Гримпенскую трясиину, которая не имела ничего общего с той веселенькой и совершенно нежуткой картиной, которая открывалась глазам.

– Вот, под тем кустом. Она из земли торчала, я потянул и оторвал, – говорил между тем Ленчик.

Веретьев и Головин подошли ближе, присели. Под кустом действительно чернела вывороченная земля вперемешку с мхом, как будто недавно тут что-то в спешке закапывали.

– Ты копал? – на всякий случай уточнил Веретьев.

– Нет, конечно.

Александр снова натянул перчатки, наклонился ближе, раздвигая руками влажную, словно сочившуюся землю. Та послушно поддалась под его руками. А ведь и впрямь раскоп свежий.

Веретьев, не глядя, протянул руку, и в нее послушно легла саперная лопатка, протянутая верным Пашей. Он откинул несколько комьев земли и снова принялся разгребать руками, чтобы не повредить ничего из хранимых земель секретов. Это была ввевшаяся в кровь привычка, первая заповедь поисковика: «Не повреди».

Еще через минуту пальцы что-то нащупали, Веретьев взгляделся внимательнее и отпрянул. В мокрой яме лежал труп.

– Ч-ч-черт.

Головин пригляделся тоже и длинно присвистнул.

– Ничего себе находочки.

В четыре руки они принялись аккуратно очищать свою страшную находку, и через пару минут стало ясно, что под кустом захоронены не один, а два человека. Кусок синей джинсы, которую вчера вытащил из земли Ленчик, мог принадлежать любому из них. На одном из мужчин была джинсовая куртка, уже распадающаяся на куски, а на втором джинсовые брюки все того же цвета индиго.

– Точно не солдаты, – сказал Головин. – Это мы в какой-то криминал вляпались.

– Причем, судя по всему, недавний. – Веретьев сплюнул, судорожно соображая, что теперь делать.

– Да почему ж недавний? Ты на их одежду посмотри. Джинсы клеш, рубашки с огромными воротниками. Такие с конца семидесятых годов не носят. Нет, скорее всего, это правда кто-то из утопленников, много лет назад погибших. И на прическу глянь, ну чисто как у Битлов. Нет, точно с конца семидесятых они тут лежат. А что сохранились так хорошо, так ты сам говорил, что сфагновые мхи трупы словно бальзамируют.

Веретьев с жалостью смотрел на старого товарища и соратника. Тот был отчего-то бледен. Ну, не от вида трупа же, в самом-то деле.

– Паш, голова дана человеку не только для того, чтобы в нее есть, – сказал он наконец. – Ты сам-то посуди. Здесь до собственно болота еще метров триста как минимум, а уж до топи, в которой тело могло сорок лет пролежать, и того больше. Здесь, под кустами, ничего сорок лет сохраниться не могло. Это во-первых.

– А есть еще и во-вторых?

– Есть. Если сорок лет мумифицированные тела лежали и процесс гниения их не касался, то почему-то именно сейчас ткани начали разлагаться. Возникает вопрос: почему?

– И почему?

– Да из-за соприкосновения с кислородом. Эти два парня действительно, похоже, утонули в конце семидесятых годов. Но кто-то достал их из вечного плена, принес сюда на окраину болота и наспех закопал. Фактически просто присыпал землей. Именно поэтому они и начали так быстро гнить. И, судя по состоянию тел, произошло это совсем недавно. Неделю назад, максимум две. Теперь понимаешь?

Головин смотрел серьезно, потому что действительно понял.

– А зачем кому-то доставать из болота мертвецов сорокалетней давности, тащить их сюда, а потом прятать? – спросил напряженно молчащий до этого Ленчик. – Какой в этом смысл?

– А вот это и вопрос, – задумчиво ответил Веретьев. – И, признаться, ответа на него я не знаю. Впрочем, самое главное не это. Самое главное – понять, что нам с этим теперь делать?

– Полицию вызывать? – Предположение Ленчика звучало робко, видимо, потому, что парень и сам понимал его очевидную глупость.

– И говорить, что в ходе поисковой экспедиции мы нашли тела двух мужчин в одежде сорокалетней давности и считаем, что их недавно кто-то перезахоронил, а потому нужно срочно отправить сюда оперативную группу, – уточнил

Веретьев. – Ты представляешь, как далеко и как надолго нас пошлют? У них нынешних висяков хватает, зачем им старые?

– Тогда, может, их обратно закопать? Если бы я за тот лоскут ткани не потянул, их бы еще сорок лет никто не обнаружил.

– И пройти мимо того факта, что кому-то зачем-то понадобилось переносить этих людей с болот? Нет, братцы, какой-то криминал тут точно есть, я это своей старой солдатской шкурой чувствую. Вот только что делать, пока не знаю.

– Саш, я же тебе говорил, что родом из этих мест. Тут до моей родной деревни напрямки через лесок километра два, не больше. Давай я туда наведаюсь, с местными поговорю, может, кто слышал что. А вечером решение примем, что дальше делать. Они ж до вечера никуда не денутся, – предложил Головин.

– Не денутся, – то ли соглашаясь, то ли сомневаясь, сказал Веретьев. – Вот что, Ленчик. Ты сфотографируй это все тщательно. С разных ракурсов. А ты, Паша, и впрямь в деревню сходи. Только аккуратно. Про находку нашу не распространяйся. Про баню спроси. Мол, у нас поисковый отряд, нам бы банный день завтра устроить, пустит кто из местных или нет. Ну, а заодно и поинтересуйся, что тут у них вообще происходит. Лады?

– Лады. – Головин поднялся с корточек, стянул с рук перчатки, сунул в карман, уверенно повернулся и зашагал в сторону леса.

Было видно, что он и правда хорошо ориентируется в здешних местах. Солнце светило ему в спину, отчего вся его крепкая фигура двигалась словно в окружении золотистого ореола. Веретьев с Ленчиком смотрели ему вслед.

– Ленька, нам не завтра надо, – грубовато сказал Веретьев, повернувшись к студенту. – Нас уже ребята на раскопе заждались, а нам еще туда пилить минут тридцать. Давай снимай, и пойдем.

Ленчик виновато посмотрел на командира отряда и послушно защелкал телефоном, делая снимки. Веретьев же, чтобы не стоять без дела, собрал валяющийся вокруг лапник и ветки деревьев, чтобы хоть как-то закрыть зияющую в земле яму с ее страшным содержимым. В голове он уже прикидывал, кому будет звонить, чтобы сообщить о находке и передать ту информацию,

которую обязательно раздобудет Паша Головин. В то, что Паша вернется без информации, он не верил – слишком хорошо того знал.

* * *

Сегодняшний день у поисковиков выдался «урожайным». Удалось найти три солдатских медальона, причем в отличном состоянии, несколько штык-ножей, котелок, каску, практически полностью сохранившуюся пилотку со звездочкой посередине и обрывки военного билета. Настроение у ребят было приподнятое, они воодушевленно переговаривались друг с другом, ничуть не жалуясь ни на то, что работать приходилось почти по колени в воде, ни на стоящее высоко солнце, которое сегодня, после ночной грозы, жарило особенно сильно. Вот за такие дни Александр Веретьев и любил поисковую работу, к которой прикипел сердцем и без которой не мыслил себе существования.

Он работал наравне с остальными, как делал всегда, но мысли его нет-нет да и возвращались к странной находке, находящейся примерно в километре отсюда. Кто были эти двое? Как оказались они жертвами трясины, кто помог им сбежать из их страшного плена и почему бросил под первым же кустом, не особо даже стараясь закопать поглубже? Ему казалось, что ответы на эти вопросы очень важны, но не мог даже самому себе объяснить, почему именно так считает.

Пообедали сухим пайком и чаем из термосов. Веретьев то и дело доставал свой спутниковый телефон, проверяя, нет ли звонков от Головина. С того момента, как они расстались на краю болота, прошло уже четыре часа, потом пять. За это время вполне было можно дойти до деревни, поговорить с людьми и присоединиться к остальным. Ну, или хотя бы позвонить.

Конечно, Паша вполне мог быть усажен за стол хлебосольными соседями, чтобы под стопку-другую вспомнить общее детство и общих знакомых. В решении не возвращаться сегодня на болота, а встретиться вечером в лагере с большим объемом информации не было ничего преступного или неправильного, поэтому Веретьев просто старался выбросить мысли о Паше из головы до вечернего сбора за ужином. Старался – и не мог.

Или он с Ольгой милуется, раз уж получилось остаться в лагере наедине. Ну, почти наедине. Не считая Тани.

Мысли привычно съехали на девушку, которая ходила за Веретьевым мягкой пушистой собачонкой, льнувшей к ногам, ластящейся без причины. Может, ответить на ее призыв? Сколько можно существовать без женской ласки?

Веретьев прикинул, что с того момента, как он окончательно расстался со своей предыдущей пассией, работавшей официанткой в одном из их с Феодосием Лаврецким ресторанов, прошло уже три месяца. Для мужчины его возраста большой срок. Он представил внимательные Танины глаза, пухлые губы, нежный изгиб шеи, высокую грудь под вызывающе обтягивающей маечкой и усмехнулся про себя.

Для коллектива, в котором кроме нее самой было еще две женщины – одна шестидесяти лет и вторая с мужем – Таня одевалась слишком вызывающе. Но никто не кинул на нее ни одного двусмысленного взгляда, не позволил ни одного оскорбительного жеста и не отпустил ни одной сальной шутки. Несмотря на то что для этого не было ни малейших оснований, Таня негласно считалась женщиной командира, и это защищало ее от любых поползновений почище пояса верности.

Если бы не этот ее покорный взгляд, можно бы было и приголубить. Но взгляд убивал в Веретьеве малейшую искру желания, равно как и понимание, что из их даже самого мимолетного романа он не вылезет без последствий. Привяжешь ее к себе, потом бросишь, она с горя утопится, и все. Будешь нести на себе вину за безвинно погубленную жизнь до конца своих дней. Нет, на его век простых официанток хватит. Вот вернется из похода и закрутит с кем-нибудь из девчонок. К счастью, среди них много тех, кто готов к легким, необременительным отношениям.

Интересно, и почему Головин не звонит.

Александр снова достал свой телефон и сам набрал номер Паши. Гудки ввинчивались в ухо, но трубку никто не брал. Ну точно, с Ольгой обжимается, не иначе.

Тревога не проходила, и Веретьев дал сигнал сворачиваться на сегодня и выдвигаться в сторону лагеря на час раньше, чем собирался.

– Александр Викторович, так еще только пять часов, – протянул Ленчик разочарованно.

Надежда Александровна смотрела внимательно, остро. Эта женщина умела считывать его состояние, а потому точно знала, что сейчас командира что-то волнует.

– Голова болит, – неуклюже соврал он. И Надежда кинула на него еще более внимательный взгляд, понимая, что Александр врет. Никакая головная боль не могла его заставить отклониться от заранее составленного плана.

– Ладно, ребята, на сегодня действительно все, – громогласно заявила Надежда после того, как он едва заметно кивнул. – У меня тоже голова отваливается. Давление после грозы, наверное. Пошли на базу, буду у Татьяны таблетку просить. А ты, Александр Викторович, молод еще, на погоду реагировать.

– Сорок два, не мальчик, – шутливо ответил он, кивнул еще раз, мол, спасибо. – Ребята, мы с Надеждой Александровной вперед пойдем, головы лечить. А вы собирайте инструмент и догоняйте. Игнат, за старшего.

Игнат Лаврентьев, один из старейших бойцов отряда, кивнул, что понял и принял.

– Случилось что, Санечка? – тихо спросила Надежда, когда они отошли на достаточное расстояние, чтобы их никто не слышал. – Ты весь день сегодня сам не свой.

– Да я и сам не знаю, – признался Веретьев. – Но ощущение внутри какое-то гадостное. В последний раз у меня такое было в тот день, когда мы под минометный обстрел попали.

– В Чечне, да. Ты рассказывал, – вздохнула Надежда. – Но, может, обойдется, с божьей помощью.

Головина в лагере не было. Ольга неспешно готовила у большой походной плиты. Запах гречки с тушенкой разносился далеко за пределы лагеря, и Веретьева вдруг замутило. У него всегда была такая реакция в период острого

волнения – сразу начинало тошнить.

– Твой не возвращался? – спросил он у Ольги как можно безразличнее.

Та удивленно посмотрела на него.

– Откуда? Вы же вместе с утра уходили.

– Да, но он потом в деревню пошел. Ту, из которой родом. Ты там, кстати, бывала когда-нибудь?

– Бывала, конечно. Паша, когда предложение сделал, к бабушке меня своей свозил, познакомиться. Родители-то его тогда уже в город перебрались, а бабка до самой смерти в Заднем жила. Пока она жива была, мы каждое лето к ней ездили. То с сенокосом помочь, то картошку выкопать, то просто так, поддержать.

– А большая деревня-то?

– Когда-то была домов на двадцать. Правда, и те вдоль одной улицы стояли. Да потом обезлюдела тут вся округа. Когда мы бабушку хоронили, почитай, только в пяти домах кто-то оставался, да и то на зиму разъезжались. Зимой она уж лет пятнадцать пустая стоит, а летом – кто ж его знает. Может, дачники и приезжают.

– А в соседних деревнях?

– Да так же примерно. На всю округу зимой домов десять топят. А летом, ну, может, семей двадцать-то и живет. Да и то в основном старики и старухи. Чего тут молодым делать, тут ни дорог, ни магазина, ни медпункта. Молодежь предпочитает Турцию да Египет. Таких любителей свежего воздуха и комаров, как мы, немного сейчас найдешь. А ты для чего спрашиваешь-то, Саша?

Веретьеву нужно было подумать. Если округа считалась практически нежилой, а обитали здесь в основном старики да привезенные к ним на каникулы дети, то кто же тогда достал из болота те два трупа и закопал под кустом? Зачем это могло понадобиться кому-то из местных? И почему тогда так долго не

возвращался Паша?

– Спрашиваю, потому что пытаюсь понять, куда запропастился твой муж, – честно признался Веретьев. С такими женщинами, как Ольга, нужно всегда говорить прямо, а не юлить. Это он знал точно. – Если в его родной деревне жителей раз-два и обчелся, так не может же он с ними целый день разговаривать.

– Да он и вообще не собирался ни с кем разговаривать. Уж друзей и родни у нас тут точно не осталось.

– Мы два тела нашли, – признался Веретьев. – Непонятных. Не солдаты точно. Судя по одежде, в болоте они утонули лет сорок назад, но вот на воздух их подняли в течение недели, максимум двух. Вот Пашка и отправился местных поспросить, может, кто что знает.

– В сыщиков играете, мальчики? Поисковой работы вам мало? – Ольга ласково улыбнулась. Было видно, что длительное отсутствие мужа ее нисколько не взволновало. – Санечка, ты же знаешь Пашу. Он вполне мог решить все окрестные деревни обойти, с него же станется. Вернется он, не переживай.

– Болота кругом, – зачем-то сказал Веретьев, хотя пугать Ольгу в его планы точно не входило.

Она и не испугалась, только засмеялась.

– Саш, он в этих местах вырос. И в детстве сбегать на болота было его самым любимым развлечением. Он мне рассказывал, сколько раз его отец порол за это, но ничего не помогало. Они с другом даже след проложили. Почти в самую трясину. Опытным путем нашли тропку, которая по твердым кочкам вела. Отметили ее колышками и бегали в самую середину топи. Паша говорил, что такой крупной клюквы больше нигде не было, и им все бабки в деревне завидовали. И в кладоискателей они там играли. Так что уж на болоте он сгинуть точно не может.

К вечернему ужину подтянулись в лагерь и остальные члены отряда. В восемь часов вечера все привычно расселись на круглой поляне, по очереди наложив в свои котелки душистой каши и взяв щедро нарезанных ломтей хлеба. Павла по-

прежнему не было, и, поглядывая на Ольгу, Веретьев видел, что, пожалуй, и она уже начинает беспокоиться.

– Вот что, – решительно сказал он, дисциплинированно доев свою кашу. В экспедиции нужно было пополнять энергию всеми доступными способами, и позволить себе не есть на почве нервов командир отряда не мог. – Я, пожалуй, прогуляюсь до деревни. Лень, проложи маршрут по карте, пожалуйста. Я в отличие от Головина не местный.

– А можно с тобой? – это робко спросила Таня.

Вот черт, только романтической прогулки ему и не хватало.

– Нет, оставайся в лагере, – ответил Веретьев чуть резче, чем это было необходимо.

Таня тут же покорно повесила голову и отошла в сторону. Черт-черт-черт, черт бы побрал эту ее проклятую покорность.

– Один, что ли, собрался? – сухо уточнила Надежда.

– Леньку возьму, – сдался Веретьев, понимая, что одного его вряд ли отпустят.

Непонятно, что беспокоило ребят больше – исчезновение Головина или нервозность командира, и Веретьев ругал себя за то, что в мирной обстановке утратил привычную невозмутимость, в военную годину не раз спасавшую ему жизнь.

Обрадованный Ленчик быстро доел свою кашу и ринулся снова натягивать сапоги.

– Надежда, – позвал Веретьев.

Пожилая женщина подошла поближе, чтобы никто другой не мог слышать их разговора, кивнула сосредоточенно, мол, слушаю.

– Если Пашка вернется, сразу звони. И это, присмотри тут за Ольгой. Не нравится мне все это.

– Поняла, – коротко ответила Надежда.

Защитный костюм, куртка с капюшоном, резиновые сапоги, спутниковый телефон, карта, нож. Пожалуй, все было готово для того, чтобы двинуться в путь.

– Флягу возьми, – кинул Веретьев Ленчику, по привычке ощупывая парня глазами, правильно ли оделся, все ли взял. – Ребята, мы через час вернемся. За старшего Игнат, Надежда на подхвате. Все, Лень, пошли.

Перед тем как скрыться между деревьями, Веретьев в последний раз обернулся. Все члены отряда занимались своими делами. Кто-то накладывал добавку каши, кто-то шумно пил чай, кто-то развешивал сушиться носки, кто-то разговаривал с родней по телефону. И только три пары глаз тревожно смотрели им вслед.

Татьяна, Надежда, Ольга.

Глава 3

К утру от ночного дождя не осталось и следа. Из-за закрытой ночью форточки в комнате было душно, и, проснувшись, Ирина первым делом распахнула ее настежь, впуская в дом свежий, еще пахнувший недавней грозой воздух. Деревенская улица при свете дня выглядела спокойно и совсем нестрашно. Чего это она, спрашивается, ночью так испугалась?

Ирина хорошо знала, какими пустыми и незначительными бывают ночные страхи и как легко они развеиваются при первых же солнечных лучах. Она не понаслышке представляла себе, каким тяжелым медведем наваливаются на грудь тревога и неуверенность, особенно если проснешься между тремя и четырьмя часами ночи. Она даже читала как-то, что именно в это время, как правило, уходят из жизни хронически больные люди, потому что у души в этот час не остается сил на сопротивление.

Час совы, кажется, так называлось это время.

Ванечка еще спал, сладко-сладко. Вот и хорошо, вот и славно, и не надо его будить.

Ирина заправила постель, натянула спортивный костюм, умылась на кухне из висящего там рукомойника, стараясь не греметь дровами, растопила в кухне печь, поставила на электрическую плитку кастрюльку с молоком, чтобы сварить утреннюю кашу для себя и сына.

Отчего-то ей страстно захотелось творога, рассыпчатого, деревенского, каким кормила ее в детстве на завтрак бабушка, однако нынче никто в округе не держал ни коров, ни коз, молоко Полиект Кириллович привозил из соловьевского магазина. Ирина однажды и творог заказала, но был он такой сухой и невкусный, что Ванечка отказался от еды наотрез, да и сама Ирина, как ни давилась, съесть намешанную со сметаной бурду не смогла, отнесла куликовским собакам. Из остатков творога она нажарила сырников и больше его не заказывала.

Опытным путем выяснилось, что сынишка любит чай со смородиной, поэтому, еще раз заглянув в комнату и убедившись, что Ванечка по-прежнему крепко спит, Ирина натянула резиновые сапожки и выскочила во двор, чтобы быстренько добежать до огорода и нарвать свежих листиков.

Земля после дождя была влажной, жирной, и Ирина порадовалась, что сегодня можно будет точно не озабочиваться поливом. Она отвернула щеколду на ведущей в огород калитке, заскочила внутрь, ловко пробежалась между грядками, стараясь не оскальзываться на мокрой земле. Так, четырех листочков на чайничек хватит, а вечером они заварят свежего чаю.

Она повернулась, сделала пару шагов обратно к калитке и замерла, разглядев отчетливый след сапога в аккурат под окном в комнату, тем самым окном, у которого стояла Ванечкина кровать. Сердце тут же затрепыхалось где-то в горле, руки стали влажными, а ноги в натянутых без носков сапожках тут же заледенели, хотя утро было по-летнему теплым.

Значит, ей не привиделось, значит, ночью вокруг ее дома ходил кто-то чужой. Судя по размеру следа, чужак был мужчиной.

Что же делать? Бежать к Куликовым, чтобы узнать, не слышали ли они что-нибудь? Но как оставить ребенка в доме одного? А если злоумышленники похитят Ваню, тем более что они обещали сделать именно это, если Ирина не выполнит их требования. А она не выполнила, да еще и сбежала, в слепой надежде, что ее не вычислят, не найдут. Получается, вычислили и нашли?

Она опрометью кинулась в дом, дрожа, заперла дверь на засов изнутри, хотя делала так только на ночь. Не снимая сапог, бросилась в комнату, где все так же спал сын. От произведенного ею шума мальчик проснулся, сел в кроватке, улыбнулся, увидев маму.

- Доброе утро.

Спросонья он был теплый и очень вкусно пах. Ира присела на край кровати, прижала к себе маленькое тельце. Сын тут же обвил ее шею ручками и довольно засопел в ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/martova_lyudmila/tuman-nad-temnoy-vodoy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)